

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
“НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ”
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Т. Н. Троицкая, А. В. Новиков

СКИФО-СИБИРСКИЙ МИР

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Н.В. Полосьмак*

НОВОСИБИРСК
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО “ГЕО”
2007

УДК 903'15
ББК Т 4(0)273
Т 708

Троицкая Т.Н. Скифо-сибирский мир: учеб. пособ. для вузов / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. – Новосибирск : Академическое издательство “Гео”, 2007. – 142 с. – ISBN 5-9747-0046-5.

В предлагаемом учебном пособии рассматриваются археология и история скифо-сибирского мира. Пособие составлено в соответствии с утвержденной программой спецкурса исторического факультета НГПУ. Оно адресовано студентам гуманитарных факультетов, учителям истории и истории искусства, педагогам дополнительного образования, руководителям археологических кружков, краеведам и всем интересующимся историей Евразии.

Рецензент
доктор исторических наук, профессор *Н.П. Матвеева*

Работа выполнена при финансовой поддержке ООО “Научно-производственный центр “Югра-Терра” и Учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры “Центр охраны культурного наследия”

Предлагаемое учебное пособие составлено на основе спецкурса Т.Н. Троицкой, который она читает на протяжении ряда лет на историческом факультете Новосибирского государственного педагогического университета.

Авторы считают необходимым дать характеристику отдельных основных культур, входящих в состав скифо-сибирского мира и подчеркнуть специфические особенности каждой из них. Существующее учебное пособие А.И. Мартынова и В.П. Алексеева “История и палеоантропология скифо-сибирского мира” (Кемерово, КемГУ, 1986) ставит перед собой иные цели: едва ли не половина его объема посвящена антропологии, другие темы рассматриваются не по отдельным культурам, а по разделам, дающим обобщенный материал по всем культурам скифо-сибирского мира в целом (хозяйство и уровень жизни, идеология, общественные отношения и социальная структура).

Общая оценка социально-экономических изменений в лесостепной зоне Евразии в эпоху раннего железного века, а также характеристики саргатской культуры лесостепи Зауралья Западной Сибири и большереченской культурной общности лесостепного Верхнего Приобья изложены в соответствующем разделе учебного пособия авторов “Археология Западно-Сибирской равнины” (Новосибирск, 2004). Однако, чтобы читатель мог представить целостную картину скифо-сибирского мира, эти материалы во многом повторены и в данной книге.

Как и всякое учебное пособие эта книга имеет свои определенные дидактические, обучающие цели, которые и ставят перед собой авторы, пола-

гая нужным сохранение строгой научности в изложении материала. В пособии нашли отражение в первую очередь археологические культуры наиболее значимые и лучше изученные.

Географические рамки рассматриваемого материала охватывают огромный степной и лесостепной регион от Дуная на западе до Ордоса (Монголия) на востоке, что обусловлено регионом распространения культур скифо-сибирского мира. Хронологические рамки большинства освещаемых культур включают в себя период с VIII–VII вв. до н.э. по первые века новой эры – время существования скифов, сарматов, кочевников Средней Азии и Казахстана и других культур этого круга. Лишь пазырыкская, тагарская и уюкская культуры прекращают свое существование в III в. до н.э.

Авторы используют разнообразные источники. Наряду с археологическими данными в учебное пособие, в главы, посвященные причерноморским скифам и близким им народам, включены значительные фрагменты из различных письменных источников, прежде всего, из “Истории” Геродота и “Географии” Страбона. Приведенный в конце каждого раздела список литературы предназначен для начального ознакомления студентов с проблемами скифо-сибирского мира и никак не исчерпывает то количество публикаций, которые авторы использовали для написания книги.

Учебное пособие предназначено для студентов исторических факультетов вузов. Оно может быть полезно студентам других гуманитарных специальностей, учителям средней школы и педагогам дополнительного образования для занятий в детских археологических кружках, а также всем интересующимся историей Евразии.

ФЕНОМЕН СКИФО-СИБИРСКОГО МИРА

В VIII–VII вв. до н.э. начинается новый период в истории населения степной и лесостепной территории Евразии. Здесь, на широкой полосе от Дуная до Забайкалья и Центральной Азии, складывается культурная общность, включающая в свой состав различные народы. Археологические находки этого времени свидетельствуют о том, что ряд предметов материальной культуры, прежде всего вооружение, степного Приднестровья, Приднепровья, Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана, Западной и Южной Сибири, Забайкалья, Северной Монголии и части северо-востока Китая по своему облику весьма схожи, нередко буквально совпадают в деталях.

Наличие общих черт в материальной культуре на больших пространствах само по себе не уникально. Близкое явление отмечено для лесостепной полосы и в эпоху развитой бронзы. В середине II тыс. до н.э. на огромной территории от Приобья до Молдовы распространились бронзовые изделия так называемого сейминско-турбинского типа. Но это явление не было столь ярким и широким, как общность скифо-сибирского мира.

Эта общность в исторической науке получила следующие наименования: *скифо-сибирская культурная общность, культуры скифо-сибирского круга* или *скифо-сибирский мир*. Последнее название вынесено нами в название предлагаемого пособия. Надо отметить, что данный термин имеет определенную неточность, так как включает в себя этническую (*скифы*) и региональную (*Сибирь*) характеристики и обходит молчанием некоторые другие территории, на которых прослеживается эта общность: Южное Приуралье и Среднюю Азию. Можно говорить и о близости ландшафтно-климатических условий, на фоне которых формировались культуры этой общности – прежде всего степь и лесостепь, хотя восточная периферия этого мира находится в горной местности.

Подобное явление можно считать феноменальным. В чем же кроется причина этого феномена?

Прежде всего необходимо сказать, что у ученых нет единого мнения о причинах возникновения такой общности. В основу учебного пособия положена точка зрения, в определенной степени близкая мнению одного из ведущих исследователей культур скифо-сибирского мира М.П. Грязнова. Именно она кажется нам наиболее правильной и соответствующей задаче данного издания.

Образование скифо-сибирской общности явилось одним из отражений тех колоссальных изменений, которые произошли в первые века I тыс. до н.э. в области экономики, социальных отношений и мировоззрения людей, проживавших на огромной территории от Дуная до берегов Тихого океана, от пустынь Средней Азии до южной границы сибирской тайги. Эти изменения были заложены еще в конце эпохи бронзы.

Изменения в области экономики. Они прежде всего связаны с *появлением железа и кочевого скотоводства*.

Эпоха бронзы в степной и лесостепной Евразии завершилась приблизительно в VIII в. до н.э. Из бронзы продолжали делать украшения, зеркала и многие другие изделия, даже наконечники стрел. Но постепенно все чаще и чаще стали появляться ножи и кинжалы, боевые клевцы и копья из нового, ранее практически неизвестного металла – железа. Оружие, изготовленное из него, было удивительно прочным, долго не тупилось. Железо в первую очередь шло на изготовление предметов вооружения, а несколько позже – на орудия труда, которые стали намного прочнее и эффективнее. Их использование значительно повысило производительность труда. Появление массового производства железа на территории Евразии, в том числе и в зоне распространения скифо-сибирского мира, не было синхронным. Наиболее ранние факты этого вида деятельности зафиксированы не повсеместно, а лишь в отдельных регионах.

Другое важное изменение в области экономики связано с появлением кочевого скотоводства. В VIII–VII вв. до н.э. в степных районах Евразии

произошли значительные перемены в способе ведения хозяйства. Впервые от пастушеского скотоводства население здесь перешло к кочевому, более эффективному для степных районов.

Кочевое скотоводство на данном этапе оказалось прогрессивнее, так как оно давало возможность при имеющемся уровне производительных сил получать в степной зоне максимальное количество продуктов. Если раньше, при пастушеском скотоводстве, количество скота регулировалось количеством корма, то теперь население получило возможность после уничтожения травостоя в одном месте переходить на другое, третье... Новый способ ведения хозяйства имел так много преимуществ, что сразу был оценен населением и буквально в кратчайший срок распространился в степях Евразии. Поэтому сейчас невозможно даже говорить о том, где кочевое скотоводство появилось раньше, а где позже. Но зато с полной уверенностью можно утверждать, что кочевое скотоводство приводило к одинаковому быту населения степной полосы.

В лесостепи кочевое скотоводство не могло распространяться в его чистом виде. Но и для этих регионов было характерно резкое возрастание значения скотоводства, правда с постепенным переходом к его отгонному типу.

Вместе с кочевым скотоводством широко распространилось в степном регионе *всадничество*, тем более, что именно к этому времени, судя по костным остаткам животных, были выведены аллюрные, быстроходные породы коней. Они способствовали более тесным и быстрым контактам населения. До этого периода кони в основном впрягались в колесницы (в хозяйственных целях лошади стали использоваться позднее, когда были изобретены подковы), теперь же появились и всадники.

Изменения в социальных отношениях. Переход к кочевому скотоводству совпал со временем распространения железа на основных территориях скифо-сибирского мира. Именно сочетание этих двух факторов резко повысило производительность труда, положило начало бурному развитию имущественной, а затем и социальной дифференциации. Социально-экономическая дифференциация была характерна для эпохи разложения первобытного строя и сложения вожеств. Именно этот период прослеживался в рассматриваемых регионах с VIII–VII вв. до н.э.

Эпоха *разложения первобытного строя и начала складывания государственности* – это время

резкого усиления экономической значимости военных действий, которые постоянно велись населением. Неслучайно этот период носит также название *военной демократии*. Между соседними племенами то заключались союзы, то вспыхивали войны. В таких условиях нельзя было отставать от своих соседей в достижениях военной техники. Всякое новшество мгновенно распространялось среди воинов, в результате чего и появилось на этой полосе Евразии одинаковое вооружение.

Большую роль в ведении войн играло и всадничество. Поскольку кони, наряду с вооружением, имели огромное значение в развитии военного дела, любое полезное новшество в конской сбруе, например, также быстро перенималось соседями. С VIII–VII вв. до н.э. распространился однотипный конский уздечный набор, который постоянно усовершенствовался. Поэтому и получалось так, что почти одновременно на широкой территории изменялись оружие и уздечные наборы. Это давало и дает для археологии определенные критерии в датировке памятников.

Изменения в мировоззрении. Скифо-сибирский звериный стиль. Схожие формы социального развития в условиях степного кочевое скотоводства давали базу для развития близкого, а порой и идентичного мировоззрения. Именно в этот период формируется *героический эпос*. На широкой полосе степей складываются общие черты идеологии, развивается необходимый в условиях военных действий культ силы и ловкости, нашедший свое отражение в распространении *скифо-сибирского звериного стиля**.

Изображения, выполненные в этом стиле, являются своего рода иллюстрациями к представлениям населения того времени. Все изображения животных, их отдельных частей тела в различных сочетаниях несли определенный код, вполне понятный и легко читаемый его современниками.

Звери часто встречались на изделиях и других культурах, но именно скифо-сибирский звериный стиль имел свои неповторимые особенности. Изображения скифских животных отличаются от других способом моделировки поверхности тела. И тело самого животного, и отдельные его детали (ноги, рога, клюв, глаза и т. д.) составлены из сходящихся под углом плоскостей. Эти плоскости образуют крупные грани с острыми ребрами, на которых создается неповторимая, свойственная только скифо-сибирскому звериному стилю игра света и тени.

Для скифо-сибирского звериного стиля характерен строго ограниченный набор каноничес-

* Вопрос происхождения скифо-сибирского звериного стиля является дискуссионным. Существуют точки зрения о его переднеазиатском, сибирском или местном происхождении.

ких поз: ноги животного либо подогнуты под туловище, либо опущены. Птицы чаще всего изображаются с распростертыми крыльями. Когти, хвосты и лопатки хищников, а также рога оленей часто оформлялись в виде голов птиц, свернувшихся хищников и т. д. На свободных местах на теле животного могли помещаться фигурки других зверей или их характерные детали. В результате этого на минимальной площади размещалось максимальное число изображений.

Скифо-сибирский звериный стиль проявил себя как в декорировании различных изделий (оружия, конской упряжи, орудий труда, предметов быта, украшений и т. д.), так и вне связи с ними (петроглифы, стелы, татуировки). Наряду с декоративным смыслом этот стиль имел и магическое содержание, что особенно ярко прослеживается в предметах вооружения.

В этом стиле был украшен необходимый для воина инвентарь: оружие, конские уздечные наборы, украшения. Изображения тигров, пантер и других кошачьих хищников, у которых различными приемами подчеркивали мускулатуру, символизировали необходимую для ведения войны силу и ловкость. Глаз, клюв, а иногда отдельно изображенная голова орла придавали оружию, по мнению скифов, точность и меткость удара. Олень с раскидистыми рогами, связанный, скорее всего, с культом солнца, воплощал быстроту движения. Часто изображались сцены борьбы животных – двух или нескольких, при этом одно из них (чаще всего копытное) оказывалось поверженным. Характерным для этого стиля является изображение свернувшихся животных, у которых морда касается хвоста.

Следует отметить, что при несомненной общности звериного стиля для всего скифо-сибирского мира, каждая отдельно взятая культура имеет в нем свои особенности. Например, среди набора животных азиатской территории чаще встречается изображение верблюда, в тагарской культуре основным изображением является олень, а сцены терзания животных в ней не выявлены. У населения Горного Алтая широко распространен образ фантастического животного – грифона. Все эти особенности будут отмечены при изложении конкретных культур скифо-сибирского мира.

Скифо-сибирский звериный стиль в его классическом виде просуществовал с VIII–VII по IV–III вв. до н.э. включительно. Примерно с III в. до н.э. он исчезает, местами трансформируясь в различные локальные варианты. В целом этот стиль оказал в последующем большое влияние и определил многие особенности декоративно-прикладного искусства других народов даже за пределами зоны распространения скифо-сибирского мира.

Скифская триада. В археологической литературе можно встретить термин *скифская триада*. Выше уже говорилось о том, что общие черты в экономике, в социальных отношениях и быте населения привели к появлению очень близких, порой одинаковых черт материальной культуры (археологи могут говорить прежде всего о ней). Уже давно была отмечена на широкой территории общность в вооружении, уздечном наборе и зверином стиле. Но только в 1954 г. Б.Н. Граковым и А.И. Мелюковой был употреблен термин – *скифская триада* (оружие, уздечный набор, звериный стиль). Вначале он касался только скифов, а затем был перенесен и на другие культуры скифо-сибирского мира.

Однако “триада” недолго характеризовалась лишь тремя особенностями. Выяснилось, что скифо-сибирская общность имеет и другие схожие черты, вызванные одинаковым бытом. Так, на всей широкой степной полосе Евразии были распространены однотипные бронзовые котлы на высоких поддонах – в них варили мясо, и сами они, скорее всего, были символом единства патриархальных семей. Близкими по виду оказались и зеркала из полированной бронзы, и другие предметы. Поэтому термин *скифская триада* в настоящее время можно считать устаревшим.

Как мы уже говорили, в состав скифо-сибирского мира входили различные племенные объединения, в числе которых были скифы, изученные лучше другого населения степной Евразии. Жизнь скифов ярко освещена в ряде письменных источников, а высокохудожественные предметы их быта по праву украшают многие музеи мира. Поэтому именно с истории этого народа мы начнем изложение нашего материала.

Раздел I

**СКУРЫ
СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СКИФОВ

На основании изучения археологических памятников и письменных источников воссоздается история скифов, их материальной и духовной культуры.

Археологические памятники. В XVIII–начале XIX в. раскопки скифских памятников были случайными, находки обнаруживались обычно при земляных работах. Основное внимание исследователей того времени было сосредоточено на античных городах, история скифов касалась их лишь косвенно. В 1763 г. генералом А.П. Мельгуновым между реками Ингул и Ингулец (Украина) был раскопан курган Литой, золотые изделия из которого получили название Мельгуновского клада и хранятся сейчас в Эрмитаже. В 1821 г. в Крыму, недалеко от Керчи, работами под руководством адмирала Патиниотти был потревожен скифский курган. Находки из него потеряны, но описание вещей было издано. Здесь же, около Керчи, в 1830 г. была случайно обнаружена и раскопана П. Дюбрюксом знаменитая могила кургана Куль-Оба. Материал по ней был сразу же опубликован, вещи хранятся в Золотой кладовой Эрмитажа.

В конце XIX–начале XX в. стали производиться целенаправленные раскопки скифских курганов Северного Причерноморья. Н.И. Веселовским были раскопаны курганы Ульский, Костромской, знаменитая Солоха и др. Находки из этих уникальных могил поступили в Эрмитаж и стали частью его золотого фонда. К сожалению, отчеты Н.И. Веселовского, составленные для археологической комиссии, не были достаточно полными, фиксация ряда необходимых деталей была опущена. Значительно большей тщательностью отличались раскопки и описание находок И.Е. Забелина, который исследовал Чертомлыкский, Александропольский и другие курганы. Он фактически был первым исследователем, который использовал археологический материал для трактовки сведений древнегреческого историка Геродота о скифах. По составленным И.Е. Забелиным

чертежам в 1960 г. М.П. Грязнов смог реконструировать внешний вид Чертомлыкского кургана в виде двух стоящих друг на друге усеченных конусов.

Городища и поселения скифов в XIX–начале XX в. еще слабо интересовали археологов. Большие раскопки этих памятников начались лишь с середины XX в. и ведутся по настоящее время. Одновременно с ними стали изучаться и рядовые могильники. Многосторонние исследования дали возможность полнее восстановить жизнь скифов. Были раскопаны крупные городища лесостепного населения, входившего в состав скифского государства, – Немировское и Бельское. Б.Н. Граковым исследована первая столица скифского царства – Каменское городище. Большое значение имели раскопки скифских и предскифских памятников киевщины, произведенные А.И. Тереножкиным. В Крыму П.Н. Шульц начал исследование Неаполя Скифского – столицы поздних скифов, раскопки этого памятника продолжили его ученики. Проведены широкие исследования раннескифского Трахтемировского городища.

Наряду с многочисленными раскопками рядовых скифских могильников были открыты и тщательно исследованы “царские” курганы. Это Мелитопольский курган (раскопки А.И. Тереножкина), Гайманова и Толстая могилы (раскопки В.И. Бидзиля и Б.Н. Мозолевого). Все эти находки значительно расширили наши представления о жизни скифов.

Письменные источники. До нас дошли надписи, высеченные на камнях, клинописные документы, свидетельства древних греческих авторов, в которых упоминаются скифы. Первые сведения о скифах относятся к 70-м гг. VII в. до н.э. В ассирийских документах и надписях этот народ упоминается под названием *шккуза*, или *ашкуза* – в связи с его походом в страны Передней Азии. Эти источники рисуют скифов воинственным народом, осуществлявшим некоторое время здесь свою гегемонию. К этому периоду истории скифов относится их упоминание в Библии. Пророк Иере-

мия так описывает скифов: *“Вот я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь... Колчан его как открытый гроб. Все они люди храбрые... разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься”* (Иер. 5:15–18).

Но больше всего мы узнаем о скифах у древних греческих авторов. Полагают, что о них знал Гомер, называвший их доителями кобыл, питавшимися молоком. А писатель VIII в. до н.э. Гесиод прямо говорит, что гомеровские доители кобыл – скифы. Наиболее подробные сведения о жизни скифов оставил историк Геродот, живший в V в. до н.э. Он решил написать историю греко-персидских войн, включив в нее описание всех народов, принявших участие в этой войне, в том числе и скифов. Геродот много путешествовал, посетил в разное время страны Передней и Малой Азии, Кипр, Египет, берега Черного моря, Эгейские острова, различные области материковой Греции, Сицилию и Южную Италию. В четвертой книге своего труда он рассказывает о происхождении скифов, их обычаях, нравах, религии, об их походах в Переднюю Азию и о борьбе с персидским царем Дарием. Книга Геродота – основной письменный источник о жизни скифов. Исследователи полагают, что сам Геродот побывал в Северном Причерноморье и получил все эти сведения о скифах от жителей Ольвии – греческой колонии. Другой автор того же времени, Гелланик, написал труд “Скифское”, но произведение это, к сожалению, до нас не дошло. Значительно позже, уже на рубеже I в. до н.э. и I в. н.э., географ Страбон в своей книге “География” оставил сведения о географии и истории Скифии того времени.

Бесценную информацию о скифах хранит и каменный архив греческих городов Северного Причерноморья. В надписях Херсонеса под Севастополем рассказывается о борьбе понтийского полководца Диофанта со скифами. О ряде других эпизодов свидетельствуют надписи из Ольвии, Пантикапея и других древних городов. Дошли до нас и монеты с именами некоторых скифских царей. Все эти данные наряду с археологическими памятниками дали возможность реконструировать историю и культуру скифов.

Изучение скифов. Первым крупным исследователем скифов был М.И. Ростовцев. Его книга “Скифия и Боспор” (1925 г.) сохраняет свое научное значение и в наше время. В ней содержится анализ письменных и археологических памятников, в ней впервые были намечены локальные варианты скифской культуры. М.И. Ростовцев дает в книге свой интересный анализ скифского звериного стиля.

Заслуживает внимания обобщающая работа английского историка Э. Миннза (1913 г.), который познакомил ученых Запада с достижениями скифской археологии.

Большую роль сыграли в советское время исследования древнего народа, проведенные археологом Б.Н. Граковым. По его мнению, принятому и рядом других археологов, к собственно скифам относятся лишь племена, заселявшие степную часть Северного Причерноморья, а на лесостепной территории жили их соседи, не являвшиеся этническими скифами, но имевшие культуру скифского облика. Б.Н. Граков одним из первых занялся изучением хозяйства скифов и свои основные суждения об этом народе опубликовал в книге “Скифы”.

Спорным до сих пор остается вопрос о расселении скифских племен, названия которых указаны Геродотом, – почти каждый исследователь дает свое толкование по этому вопросу. Собственное видение этногеографии скифов предложил Б.А. Рыбаков; работу, посвященную скифам, опубликовал и А.П. Смирнов.

А.И. Тереножкин посвятил свои исследования предшественникам скифов и более ранним культурам лесостепной зоны Причерноморья, полагая, что Скифия представляла собой крупное политическое (государственное) образование, объединявшее разноэтничные степные и лесостепные племена. Ученый считал, что эти племена, несмотря на свою разноэтничную принадлежность, были объединены в единую скифскую культуру. М.И. Артамонова интересовали предшественники скифов – киммерийцы, а также вопросы происхождения скифов и скифский звериный стиль, который исследователь выводил из Передней Азии. К 1952 г. накопилось достаточно сведений и различных суждений о скифах Северного Причерноморья, все эти материалы исследований были изложены в Москве, на конференции по скифо-сарматской археологии. Вторая подобная конференция была проведена в 1967 г.

Интерес ученых к этой теме не ослабевает. А.И. Мелюкова занимается изучением скифской культуры в западной части Скифии – на территории Молдовы. Ею опубликована работа о скифском вооружении. Т.Н. Высоцкая посвятила свои исследования скифским городищам и истории скифов Крыма.

Большое внимание общественному строю скифов и особенностям жизни кочевого общества было уделено А.М. Хазановым в его работе “Социальная история скифов”. Он считает, что у этого народа еще во время его походов в Переднюю

Азию существовало государство. Весьма интересны работы Д.С. Раевского, обращенные к духовной культуре, идеологии и религии древних скифов. Вопросам религии, мифологии и искусства скифов посвящены книги Е.В. Переводчиковой, Е.Е. Кузьминой и С.С. Бессоновой. Работы языковедов доказали принадлежность скифского языка к иранской языковой группе, а исследования антропологов связали скифов с европеоидами.

Значительный вклад в исследования истории и культуры скифов сделала обобщающая книга “Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время” (М., 1989). В ней рассмотрены вопросы происхождения скифов, предскифский период Северного Причерноморья, этапы истории самих

скифов, их материальная культура, звериный стиль и религиозные представления.

Последнее время ученые Украины успешно занимаются изучением скифов, а также других племен, населявших соседние территории.

Таков краткий перечень лишь немногих работ по истории и культуре скифов, позволяющий ознакомиться с жизнью этого замечательного народа.

Необходимо отметить, что ряд вопросов, связанных с изучением скифов, в настоящее время продолжает оставаться дискуссионным. Это вопросы о происхождении скифов и скифского звериного стиля, о принадлежности к скифам лесостепных племен, это вопросы этногеографии (о расселении скифских племен и их соседей) и др.

РАННИЕ СКИФЫ

Историю скифов можно разделить на три периода. Первый из них – *ранний* – начинается с конца VIII в. до н.э. (рубеж VIII–VII вв. до н.э.) и доходит до конца VI в. до н.э. Он охватывает период походов скифов в Переднюю Азию и время стабилизации их положения в Причерноморье. Второй период – это период *расцвета* скифской культуры и скифской государственности. Он начинается с событий конца VI в. до н.э. (поход Дария I), охватывает полностью V, IV и значительную часть III в. до н.э. и завершается временем постепенного вытеснения скифов сарматами. Последний, *поздний*, период самый длительный. Он начинается на рубеже III–II вв. до н.э. и завершается рубежом III–IV или началом IV в. н.э.

Происхождение скифов. Вопрос о происхождении скифов до сих пор продолжает оставаться дискуссионным. Как сообщает Геродот, в V в. до н.э. были известны три версии. Две из них легендарны, им не доверяет и сам Геродот, а одна – историческая, которую он считает достоверной.

Первую легенду Геродот приписывает самим скифам. *“Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в то время пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они все же так именно говорят), Зевс и дочь реки Борисфена. Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом произошло то же самое. Этим загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он*

унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему” (Геродот, IV, 5)*.

Вторую легенду Геродоту рассказали причерноморские греки. *“...Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в ту бывшую тогда пустынной землю, которую теперь населяют скифы. ... Когда Геракл прибыл ... в страну, называемую ныне Скифией (здесь его настигли зима и мороз), то, натянув на себя львиную шкуру, он заснул, а кони из его колесницы, пасшиеся в то время, были таинственным образом похищены по божественному предопределению.*

Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну, он наконец прибыл в землю, которая называется Гиляя. Здесь он нашел в пещере некое существо двойной природы: наполовину ехидну, наполовину – деву, которая выше ягодиц была женщиной, а ниже змеей.

Увидев ее и изумившись, Геракл спросил ее, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за такую цену. Она откладывала возвращение коней, желая как можно дольше жить в супружестве с Гераклом, а он хотел, получив обратно коней, удалиться. Наконец она, возвратив коней, сказала: “Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал награду – ведь у меня от тебя три сына. Ты мне скажи, что нужно делать с ними, когда они станут взрослыми, – поселить ли их здесь (в этой стране я сама господствую) или послать тебе?”. Так вот она обратилась к нему с таким вопросом, а он, как говорят, на это ответил: “Когда ты увидишь, что сыновья возмужали, ты не ошибешься, поступив следующим образом: как увидишь, что кто-то из них натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того же, кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышли из страны. Поступая так, ты и сама будешь довольна, и выполнишь мой приказ”.

* Здесь и далее цитаты из “Истории” Геродота даются по тексту: А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, И.А. Шишова. Народы нашей страны в “Истории” Геродота. – М.: Наука, 1982.

Натянув один из луков (до тех пор Геракл носил два лука) и объяснив употребление пояса, он передал лук и пояс с золотой чашей у верхнего края застежки и, отдав, удалился. Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них – Агафирс, следующему – Гелон и Скиф – самому младшему. Затем, вспомнив о наставлении, она выполнила приказанное. И вот двое ее детей – Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, изгнанные родительницей, а самый младший из них – Скиф, выполнив все, остался в стране. И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов. А из-за этой чаши скифы и поныне носят чаши на поясах” (Геродот, IV, 8–10).

С доверием Геродот отнесся лишь к третьему рассказу: *“Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны с массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в киммерийскую землю (именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам)”* (Геродот, IV, 11).

Таким образом, древние легенды сводились к двум объяснениям: местному и пришлому происхождению скифов. Поскольку книга Геродота предназначалась грекам, он, видимо, дал греческие имена (Зевс и Геракл) местным, аналогичным по функциям, богам.

В наше время гипотезы о происхождении скифов фактически сводятся к этим же вариантам. По мнению одних ученых, скифы имеют местное происхождение, по мнению других – они пришли с востока. Остановимся на этих двух точках зрения подробнее.

О приходе скифов-иранцев из Азии говорил М.И. Ростовцев. А.И. Тереножкин полагал, что скифы пришли из степных просторов Центральной Азии и здесь слились с местным населением. Но значительно шире распространилась гипотеза о непосредственной связи скифов со срубной культурой эпохи бронзы. Эта гипотеза прежде всего поддерживается антропологами, которые показали, что скифы в антропологическом отношении исключительно близки племенам срубной культуры, а сходство со среднеазиатскими саками у них отсутствует.

Племена срубной культуры пришли из-за Волги в Северное Причерноморье примерно около XIII в. до н.э., вытеснив отсюда население, связанное с катакомбной культурой и проживавшее в степной и лесостепной полосе от Днепра до Дона. Причем волны переселения срубных племен были неоднократными. Ученые предполагают, что носителями этой культуры были ираноязычные племена. Однако дело заключается в том, что срубная культура в значительной степени отличается от

скифской. Племена, связанные со срубной культурой, вели оседлый образ жизни и, в отличие от кочевников-скифов, занимались комплексным хозяйством (скотоводством и земледелием). Звериный стиль, типичный для скифов, в их изобразительном искусстве отсутствовал. Сторонники связи этих двух культур объясняли это отличие резким возрастанием значения скотоводства и переходом к его кочевой форме, что привело к изменениям как в области экономики, так и в идеологии.

Киммерийцы. По Геродоту, как сказано выше, предшественниками скифов в Северном Причерноморье были киммерийцы. О них говорят и античные авторы и переднеазиатские надписи, в которых киммерийцы упоминаются под названием *гамирра*. Ассирийцы четко отличали киммерийцев от скифов, которых называли *ишкуза*. События жизни этих двух народов в VIII–VII вв. до н.э. тесно переплетались между собой. *“При нашествии скифов киммерийцы стали держать совет, так как войско наступало большое, и мнения у них разделились. Обе стороны были упорны, но лучшим было предложение царей. По мнению народа, следовало покинуть страну, а не подвергаться опасности, оставаясь лицом к лицу с многочисленным врагом. А по мнению царей, следовало сражаться за страну с вторгающимися. И народ не хотел подчиниться, и цари не хотели послушаться народа. Первые советовали уйти, отдав без боя страну вторгающимся. Цари же, подумав о том, сколько хорошего они (здесь) испытали и сколько возможных несчастий постигнет их, изгнанных из отечества, решили умереть и покоиться в своей земле, но не бежать вместе с народом. Когда же они приняли это решение, то, разделившись на две равные части, стали сражаться друг с другом. И всех их, погибших от руки друг друга, народ киммерийцев похоронил у реки Тираса, и могила их еще и теперь видна. Похоронив их, народ таким образом покинул страну, и скифы, придя, заняли безлюдную страну”* (Геродот, IV, 11).

В своей “Истории” Геродот повествует о том, что скифы, придя в Северное Причерноморье и заняв пустую страну, отправились далее преследовать киммерийцев, но сбились с пути и попали не в Малую, а в Переднюю Азию.

В надписях Передней Азии с конца VIII–начала VII в. до н.э. появляется новое этническое название: *гамирра*, или *гимирра*, явно соответствующее греческому *киммерийцы*, а название скифов – *ишкуза* – возникает в надписях примерно через 50 лет. Это говорит о том, что скифы появились в Азии, очевидно, не из-за преследования киммерийцев, а в результате самостоятельного похода. Киммерийцы из Малой Азии беспокоили

северные границы Ассирии. В 679–678 гг. до н.э. они перешли их, но были разбиты Ассаргадоном, который торжественно заявил: “*Теушпу киммерийца, земля которого далеко, я убил и войско его уничтожил*”. Он же запрашивал бога Шамаша: “*Сбудутся ли планы... воинов гимирри?*”. Около 660 г. до н.э. царь Лидии обратился к Ассирии за помощью против киммерийцев. В ответ на это ассирийцы послали скифов, которые разбили киммерийцев на р. Галис. После этого киммерийцы уже не упоминаются в надписях.

Все это говорит о том, что киммерийцы – это реально существовавший народ. Память о нем хорошо сохранилась в топонимах Северного Причерноморья греческой эпохи: Боспор Киммерийский (Керченский пролив), киммерийские рвы у основания Керченского полуострова, дошедшие до нашего времени, область Киммерия, город Киммерик и т. д. И тем более удивительно, что нет археологических памятников, которые определенно связывались бы учеными с киммерийцами. Скифские же памятники не вызывают сомнений. Очевидно, что скифы вытеснили киммерийцев из Северного Причерноморья; следовательно, в конце VIII–начале VII в. до н.э. должна была наблюдаться смена археологических культур. В действительности же этого нет. Все исследованные памятники того времени относятся к скифской культуре. В настоящее время некоторые ученые пытаются связать отдельные доскифские культуры с киммерийцами, но их доводы не убедительны.

Для объяснения этого явления ученые высказывают различные предположения. Так, М.И. Артамонов полагает, что киммерийцы были связаны с катакомбной культурой. Он пишет: “...исторические скифы ведут свое происхождение от срубной культуры, в последней трети II тыс. до н.э. вытеснившие из Северного Причерноморья большую часть отождествляемого с киммерийцами народа катакомбной культуры” (Артамонов, 1974).

Существует и другое мнение: с киммерийцами связана срубная культура, существовавшая до прихода скифов. Так, А.М. Лесков пишет: “Раскопки последнего десятилетия убедительно показали, что племена позднесрубной культуры вошли во всемирную историю под названием киммерийцев” (Лесков, 1972).

В настоящее время более распространена третья гипотеза. По ней киммерийцы и скифы были однокультурными кочевыми племенами (Б.Н. Граков, 1971). “Одинаковыми были эти два народа по образу жизни, основным отраслям хозяйства и уровню экономического и социального развития. Скорее всего, именно этими обстоятельствами можно объяснить отсутствие заметных

различий в культуре киммерийцев и скифов VIII–VII вв. до н.э.” (А.И. Мелюкова, 1989). Поэтому понятна основная причина столкновения этих двух народов: при одинаковом ведении хозяйства на одной и той же территории они явно мешали друг другу.

Вряд ли прав Геродот, утверждая, что киммерийцы были полностью вытеснены скифами. Видимо, часть киммерийцев отправилась в поход в Переднюю Азию. Какая-то часть слилась с завоевателями-скифами. Остальные, жившие в менее удобных для кочевья условиях, остались на месте, но изменили образ жизни и были известны грекам под каким-то новым именем.

В вопросе о киммерийцах многое остается неясным. Одни ученые относят их к ираноязычным народам, другие – к фракийским. Если скифы были связаны со срубной культурой, то с какими предшественниками были связаны киммерийцы? Все это еще предстоит выяснить.

Ранняя история скифов. Существование скифов в Северном Причерноморье в VIII в. до н.э. подтверждено греческим поэтом этого же времени Гесиодом. В 70-х гг. VII в. до н.э. присутствие скифов уже зафиксировано в Передней Азии. Здесь они вступили в союз с мидянами и вместе с ними выступали против Ассирии, но вскоре, при скифском царе Партатуа (Протогий, по книге Геродота), стали ее союзником. Упоминание имени этого царя в двух различных источниках безусловно свидетельствует о реальности его существования.

Скифы оказали большую помощь Ассирии в ее борьбе с Мидией. Сын Протогия, Мадий, был послан ассирийцами в Малую Азию для борьбы с киммерийцами и одержал над ними победу. В 623–622 гг. до н.э. скифы спасли столицу Ассирии, Ниневию, от разгрома мидян и тем самым отсрочили гибель ассирийского государства. Но вскоре мидийскому царю Киаксару удалось уговорить скифов примкнуть к противоассирийской коалиции. И в 612 г. до н.э. под ударами союзных сил Ниневия пала. Мидяне с добычей удалились в свою страну, а скифы продолжали еще некоторое время военные действия в Передней Азии. По Геродоту, здесь их гегемония продолжалась 28 лет “...за это время они, преисполненные наглости и презрения, все опустошили. Ибо, кроме того, что они с каждого взимали дань, которую налагали на всех, они еще, объезжая страну, грабили у всех то, чем каждый владел” (Геродот, I, 106). Скифы угрожали своими грабежами и Египту. Египетский царь был вынужден откупиться от скифов дарами, уговорив скифов не продвигаться дальше.

Бесчинства скифов были остановлены мидийским царем Киаксаром. Как рассказывает Геродот,

он пригласил на пир предводителей скифов, наполнил и приказал перебить их. Оставшись без своих предводителей, скифы не смогли продолжить военные действия, и основная их часть удалилась к себе в Северное Причерноморье. Оставшиеся вновь вступили в конфликт с Мидией и окончательно были вынуждены уйти из Азии в 585 г. до н.э. Как полагают историки, в общей сложности скифы пробыли в Передней Азии около 90 лет.

У историков нет единого мнения об организации скифских военных походов. Одни полагают, что они совершались время от времени из самого Северного Причерноморья. Другие полагают, что в Передней Азии возникло постоянное скифское государство, центр которого чаще помещают в Закавказье. Третьи считают, что скифского государства в это время еще не было, в Закавказье же находился форпост отдельных скифских военных отрядов (в Переднюю Азию попали только воины).

После азиатских походов воинственные скифы вернулись в Северное Причерноморье. *“Однако скифов, которые отсутствовали двадцать восемь лет и по истечении столь длительного времени возвратились в собственную страну, ожидали трудности не меньшие, чем война с мидийцами; они обнаружили, что им противостоит немалое войско: дело в том, что жены скифов, когда их мужья долгое время отсутствовали, вступили в связь с рабами. ...дети, родившиеся от этих-то рабов и жен, достигли юношеского возраста. Узнав об обстоятельствах своего рождения, они задумали воспротивиться тем, кто возвращался из страны мидийцев. ...Так как скифы не могли добиться превосходства на поле в многократных битвах, один из них сказал следующее: “Что же мы делаем, мужи скифы! Сражаясь с нашими рабами, мы и сами, погибая, становимся малочисленнее, и, убивая их, мы впредь будем властвовать над меньшим их числом. Теперь, мне кажется, нужно отбросить копья и луки и, взяв каждому по конскому кнуту, подойти к ним. Пока они видели нас с оружием в руках, они считали себя подобными нам и равного с нами происхождения. Когда же они увидят у нас кнуты вместо оружия, они поймут, что они наши рабы, и, признав это, не устоят”* (Геродот, IV, 1, 3). Скифы так и поступили, а ошеломленные рабы обратились в бегство. В этом рассказе Геродота исследователи видят отголоски того, что скифам пришлось вновь покорять вышедшие из-под их власти местные племена.

Памятники скифов VII–VI вв. до н.э. Походы скифов в Переднюю Азию подтверждаются не только письменными источниками, но и археологическим материалом. На всем пути их пребывания сохранились бронзовые наконечники стрел

типичной для скифов формы. В отдельных случаях отмечены следы штурма крепостей. В этом отношении наиболее наглядна картина, которую реконструировал Б.Б. Пиотровский при раскопках урартийской крепости *Тейшебаини* (ныне Кармир-Блур) под Ереваном. Около крепости располагалось неукрепленное поселение. Его жители, узнав о приближении скифов, забрали все свои вещи и перебрались в крепость, где расположились во временных легких жилищах, остатки которых обнаружены при раскопках.

Скифы атаковали крепость ночью, они забросали ее горящими стрелами. Начался пожар, загорелись легкие временные жилища. Люди, проснувшись, выскочили из них, оставив все на своих местах. Огонь перекинулся и на здание самой крепости, сооруженной из сырых глиняных кирпичей. Полностью сгорела мастерская по изготовлению растительного масла. Загорелась и кладовая, в которой в огромных сосудах хранились запасы зерна, а в одном из сосудов лежали драгоценные предметы вооружения, спрятанные здесь кладовщиками во время боя со скифами. Скифы ворвались через ворота в крепость. Они бросились в кладовую за драгоценностями, но, видимо, из-за дыма ничего не смогли найти и лишь разбили стоящие у входа сосуды, а ценности остались лежать вплоть до археологических раскопок. Надо отметить, что сами урартийцы, видимо, пытались раскопать рухнувшие остатки крепости, чтобы найти этот клад. Об этом свидетельствуют найденные археологами остатки лопат, не выдержавших работы в спекшейся глине.

Сохранились отдельные могилы скифов на пути их следования. Ряд ученых именно со скифами связывает богатое погребение VII в. до н.э. под *Зивие* (Иранский Курдистан), вероятно, оно, судя по своему богатству, принадлежало скифскому царю или военачальнику. В центральном и западном Закавказье известны погребения VII–VI вв. до н.э., видимо, относящиеся к скифам, умершим на чужбине. Несколько погребений скифов этого времени найдено и в Северном Причерноморье. Самый ранний из них – *Литой курган*, или *Мельгуновский клад*, о котором говорилось выше. Устройство могилы неизвестно, указано лишь то, что гробница была обложена каменными плитами. В Эрмитаже хранятся меч с золотой обкладкой, крупная золотая пластина и диадема из этого захоронения.

Самые интересные курганы обнаружены на Кубани, через которую проходил путь скифов в Переднюю Азию. Интересна история раскопок замечательного *Келермесского кургана*, начатых в 1903 г. авантюристом, горным техником Д.Г. Шульцем

без официального разрешения. В кургане было обнаружено погребение знатного воина начала VI в. до н.э. Часть находок – золотые и серебряные изделия – Д.Г. Шульц переслал в Петербург в Археологическую комиссию, которая разрешила ему продолжить раскопки у станицы Келермесской под Майкопом. Но вскоре выяснилось, что он продал ряд найденных золотых изделий на переплавку, в их числе была и золотая гривна весом в 768 г. Д.Г. Шульц был отстранен от работ, а раскопки завершил Н.И. Веселовский. Он не выявил новых находок, но зато описал устройство самого кургана. К северу и к югу от погребения лежали кони – по 12 в каждом ряду, всего 24 коня). Все они были взнузданы и не подверглись ограблению. Из вещей, найденных в Келермесском кургане, надо указать меч с золотыми ножнами, серебряное зеркало, крупную золотую пластину в виде пантеры (фото 1, 1), золотые чаши, предметы вооружения и конского набора (рис. 1). В них, как и в Мельгуновском кладе, чувствуется сильное влияние искусства Передней Азии.

Несколько по-иному выглядел курган у *Костромской* станицы, также раскопанный Н.И. Веселовским. Здесь выявлено квадратное сооружение из деревянных столбов, которые, вероятно, были когда-то заплетены прутьями и обмазаны глиной. Оно имело пирамидальную крышу, сложенную из крупных прутьев на манер шалаша (рис. 2). Снаружи лежали 22 взнузданных коня. Перед насыпкой могилы все это сооружение было подожжено. Могила была ограблена еще в древности, но часть вещей сохранилась. Среди них особое место занимает крупная золотая бляха в виде оленя (см. фото 1, 2). Как и золотая пантера из Келермесса, она, видимо, прикреплялась к щиту.

Характерная особенность кубанских скифских курганов – большое число коней, сопровождавших умершего. Так, в кургане у станицы *Воронежской* были обнаружены 30 взнузданных коней.

Несколько иной тип курганов представлен на р. Уль (раскопки Н.И. Веселовского). Некоторые исследователи полагают, что они оставлены не скифами, а меотами, находившимися под сильным скифским влиянием.

Среди *Ульских курганов*, исследованных Н.И. Веселовским, особенно выделяется курган № 1. В центре его на уровне погребенной почвы находилось деревянное сооружение размером 7,45 × 5,7 м. К востоку и западу от него найдены скелеты четырех волов (рабочих быков) и большое количество скелетов коней, они обращены головами к сооружению. Все было перекрыто толстым

слоем осоки или камыша. Помимо этого, на площади около 100 м² к югу и северу от сооружения лежали 360 коней, привязанных к коновязям. Над всем этим был сооружен курган высотой до 5 м. На его вершине была совершена тризна, ее следы насчитывают более 50 конских скелетов, несколько скелетов волов и баранов и обломки посуды. После совершения тризны курган был досыпан до высоты 15 м. В самом деревянном сооружении отсутствовали остатки человеческого захоронения. Многие исследователи считали, что это было царское ограбленное погребение. В последнее время сложилось мнение, что Ульский курган не был погребальным сооружением, а являлся святилищем, в котором были принесены в жертву богам около четырехсот коней.

На территории среднего лесостепного Приднепровья сохранились памятники, рассказывающие о борьбе местного населения с кочевыми скифами (рис. 3). К числу таких памятников относится уже упоминавшееся выше *Трахтемировское городище* – оно существовало со второй половины VII до конца VI в. до н.э. Это большое городище, окруженное рвом и мощным валом, облицованным с внешней стороны каменными плитами. Оно насчитывает три строительных периода, каждый из которых завершался очередным нападением врага, вероятно скифами, на местное население. Судя по числу восстановительных периодов оборонительных сооружений, опасность нападения была постоянной и существовала достаточно долго, однако жители городища знали и довольно длительные мирные периоды, во время которых ров успевал сильно оплеть и заилиться. Археологические свидетельства вооруженных нападений представлены следами пожаров, скоплениями бронзовых наконечников стрел, часть которых побывала в огне, а у других оказались деформированы острия. Последнее можно объяснить ударами о каменную облицовку вала или о железные пластины панцирей защитников поселения. Можно полагать, что все это повествует о военных действиях местного населения против скифов, продвинувшихся на территорию Северного Причерноморья, об отпадении затем лесостепи от территорий, завоеванных скифами во время пребывания их в Передней Азии и об окончательном присоединении этих земель к Скифии.

Занятия скифов. Общественный строй. Особенности культуры. Основным занятием скифов было кочевое скотоводство. Видимо, небольшая часть населения продолжала жить и кочевать в степях Причерноморья. Другая же часть, состоящая из мужчин-воинов, занималась военными

Фото 1. Золотые нащитные бляхи.

1 – Келермесский курган, 2 – Костромской курган (по: *Искусство скифов. Альбом.* – Л.: Изд-во Аврора, 1986; рис. 16, 17).

действиями и грабежом племен, живших в Передней и Малой Азии.

Родоплеменной характер скифского общества VIII–начала VII в. до н.э., когда еще не происходили массовые походы в Переднюю Азию, не вызывает ни у кого сомнения. Социальная организация скифов была типичной для кочевого общества до возникновения государственности.

Иной характер общества и его организации появляется в связи с широкими грабительскими походами. Отмечаются сложные военно-политические взаимоотношения с населением Передней Азии. Это и прочное подчинение местного, в том числе земледельческого, населения, и военная эксплуатация в виде грабежей и набегов, и взимание регулярной дани с других государств, и получение

дани под видом подарков, как это было в Египте, и, возможно, плата за союз и военную помощь Ассирии или Мидии.

Все эти источники обогащения были достаточно стабильными и вызывали резкую дифференциацию в обществе, являясь, по мнению ряда исследователей, базой для возникновения примитивного государственного образования завоевательного типа. Для укрепления своего престижа цари стремились заключить брачные связи с царскими родами сильных государств Передней Азии. Так был заключен брак между скифским царем Партатуа и дочерью Ассаргадона. Царская власть была наследственной. Подобные рассуждения о существовании у скифов государства в VII–VI вв. до н.э., приведенные А.М. Хазановым, кажутся весьма убедительными. Однако некоторые

исследователи считают, что в это время государства у скифов еще не было, у них существовала эпоха вожества – военной демократии.

Длительное пребывание скифов в Передней Азии оказало сильное влияние как на само скифское общество, так и на его культуру. Паразитическое существование за счет грабежей и разбоев выдвинуло (что проявлялось и в дальнейшем) на первое место эксплуатацию покоренного населения. Верхушка скифского общества стремилась подражать восточным владыкам, она стала ценить роскошь и богатство, что хорошо прослеживается на материале погребений. Скифская материальная культура впитала в себя элементы культуры Передней Азии, в искусстве появились восточные сюжеты. Об этом ярко говорят многие золотые изделия из курганов того времени.

СКИФЫ ПЕРИОДА РАСЦВЕТА

Археологи обычно считают периодом расцвета скифской культуры время, охватывающее V–III вв. до н.э. Но в пособии излагается не только археология, но и история Скифии. А новый период истории Скифии начинается с военного похода против нее персидского царя Дария. Время, когда произошло это важнейшее в скифской истории событие, точно не установлено, однако безусловно, оно происходило в конце VI в. до н.э. Поэтому авторы считают возможным начать второй период – период расцвета Скифии – с конца VI в. до н.э. и завершают его событиями, связанными с вытеснением скифов со значительной части Северного Причерноморья сарматами. А произошло это в конце III в. до н.э. Таким образом, в данной главе излагается история скифов с самого конца VI в. до н.э. вплоть до конца III в. до н.э.

Этногеография скифов по Геродоту. После походов в Переднюю Азию скифы прочно обосновались в Северном Причерноморье. Здесь уже появились греческие города-колонии, с которыми в дальнейшем скифы оказались тесно связанными торговыми отношениями. В одном из этих городов, в Ольвии, в V в. до н.э. побывал греческий историк Геродот. Он собрал обширные сведения о жизни скифов – источниками были жители Ольвии и сами скифы, с которыми общался Геродот. Он уделял огромное внимание этногеографии Скифии – расселению различных групп скифов. При этом он старался отделить самих скифов от их соседей, которые по своей культуре и образу жизни были очень близки скифам.

По Геродоту Скифия располагалась от Дуная до Дона. Он представляет Скифию в виде квадрата, стороны которого равнялись 20 дням пути, и перечисляет текущие здесь реки. В настоящее время только четыре из них прочно связываются с современными названиями рек: это Истр – Дунай, “величайшая из всех рек, которые мы знаем” (Геродот, IV, 48), Тир (Тирас) – Днестр, Борисфен – Днепр и Танаис – Дон. Красочно описание Борисфена, который, по мнению Геродота, уступает

только Нилу и Истру: “...он предоставляет прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота. В нем водится множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная; рядом с мутными потоками он течет чистый. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. Устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли. Здесь водятся огромные бескостные рыбы ...их доставляют для засаливания. Есть и многое другое, также достойное удивления” (Геродот, IV, 53). Локализация остальных рек, названных Геродотом, дискуссионна, исследователи имеют о них свои, различные мнения.

Геродот говорит, что скифами (*скиотэ*) их называют греки, а сами они называют себя *сколотами*, далее он подробно останавливается на разных скифских племенах. Но прежде чем перейти к трактовке его высказываний, остановимся на современных взглядах понимания термина *Скифия*: какой он имеет смысл – политический или этнический.

На основании прошедших дискуссий можно полагать, что Скифия – это географическое понятие, на ее территории жили как собственно скифские племена, так и другие, возможно, иноязычные, но близкие к скифам по своей культуре. Не исключено, что на определенном этапе это было и политическое объединение под властью скифов.

Собственно скифы, по определению Б.Н. Гракова, жили только в степной части Северного Причерноморья. В лесостепной и лесной полосе жили иные племена, вероятно, находившиеся под скифской зависимостью и имевшие почти тождественную с ними культуру. Этногеография Скифии, построенная на базе “Истории” Геродота, отражает состояние Скифии на время его пребывания в Северном Причерноморье, т. е. в V в. до н.э. Позже могли произойти перемещения, слияния и переименования ряда племен. Надо отметить, что у историков нет единого мнения в понимании локализации отдельных племен на конк-

ретной территории. Дело в том, что Геродот увязывает их расположение с течением рек, а, как говорилось выше, привязка этих рек к их современным названиям очень спорна. Кроме того, Геродот определяет расстояния, прежде всего, в днях пути, что также приводит к различным толкованиям (рис. 4).

Так кто же такие скифы и где они жили? Все современные историки без исключения относят к собственно скифам две группы племен: *царских скифов* и *скифов-кочевников*, но локализуют их по-разному. В этом вопросе мы будем придерживаться мнения большинства исследователей. Царские скифы жили к востоку от Борисфена (Днепра) до Танаиса (Дона). Южная их граница доходила до Таврики (Крыма или Крымских гор). Это были самые многочисленные скифы, всех остальных они считали своими рабами. Скифы-кочевники, видимо, жили к западу от них.

Большинство исследователей относит к скифам и две группы земледельческих племен. Это *каллипиды*, или *эллино-скифы*, жившие на побережье в районе Днепра (между устьями Днестра и Днепра), и *ализоны* (*алазоны*). Они, по Геродоту, сеяли зерновые, лук, чеснок и чечевицу. Что же касается скифов-пахарей, которые выращивали хлеб, но сами его не ели, и скифов-земледельцев, то их к собственно скифам относят лишь отдельные исследователи. Локализация их весьма спорна. Скифов-пахарей многие исследователи помещают между Южным Бугом и Днепром.

Остальные племена, жившие на территории Скифии, по мнению почти всех исследователей, к собственно скифам не относятся. На самом западе Скифии жили *агафирсы*, они скорее всего принадлежали к фракийской группе племен. “*Агафирсы – самые изнеженные из людей; они носят много золотых украшений; они сообща пользуются женщинами с тем, чтобы всем быть друг другу близкими родственниками, и находясь в родстве, не испытывать друг другу ни ревности, ни вражды. А остальные обычаи у них похожи на фракийские*” (Геродот, IV, 104). “Над” ализнами (алазнами) и скифами-пахарями жили *невры*, они имели скифские обычаи. Как пишет Геродот, “*эти люди, по-видимому, оборотни. Ведь скифы и эллины, которые живут в Скифии, говорят, что раз в году каждый невр становится волком на несколько дней и затем снова возвращается в прежнее состояние*” (Геродот, IV, 105). Можно полагать, что волки были тотемными предками невра. По мнению многих исследователей, невра следует связывать с племенами, входившими в праславянскую общность. Этимологически имя *невры* исследователи производят от

пуг – старославянское *земля*, или *пуга* (*пога*) – *землянка*. “За” скифами-земледельцами на большом пространстве расположена пустыня, за которой живут *андрофаги* (людоеды). “*У андрофагов самые жестокие нравы из всех людей; они не почитают справедливости и не имеют никакого закона. Они кочевники, одежду носят похожую на скифскую, язык же у них свой собственный. Из этих племен только они одни питаются человеческим мясом*” (Геродот, IV, 106). Видимо, рядом с неврами жили *меланхлены*, которые имели скифские обычаи, а название свое получили, поскольку носили черные плащи.

Самыми многочисленными были *будины*, жившие на одной территории с *гелонами*, в лесостепи, приблизительно в районе Среднего Дона. Будины, по словам Геродота, были кочевниками, они имели светлые глаза и рыжие волосы. Гелоны и будины говорили на разных языках и имели разные обычаи. Как рассказывает Геродот, “*...гелоны в древности – это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском*” (Геродот, IV, 108). Гелоны сеяли хлеб и разводили сады. В стране находился город Гелон с деревянными стенами, домами и храмами. Возможно, что с этим городом связано *Бельское городище* на реке Ворскле, самое крупное в Восточной Европе скифского времени. Его площадь достигает 4040 га, оно было окружено валом и рвом, высота вала местами доходит до 9 м, глубина рва – до 5,5 м. Поверх валов возводились деревянные стены. Это была мощная крепость, в состав которой входили два крупных городища, одно небольшое и несколько открытых поселений. Крупные городища отличались друг от друга керамикой и архитектурой жилищ, рядом с одним выявлена серия зольников, рядом с другим их не было. Все это говорит о наличии здесь двух этнокультурных групп населения (гелонов и будинов). Раскопаны остатки мастерских, большое святилище, связанное с культом земледелия, найдены яблоневого косточки, что говорит о занятии садоводством, никак не отмеченном на других памятниках Скифии. Вышесказанное дает возможность полагать, что это и был город Гелон в земле будинов. В этом поселении городского типа могло жить около 40–50 тыс. человек.

Население, жившее к северу от указанных племен, Геродотом не упоминается: “*...область, расположенную выше обитателей верхних частей страны по направлению к северному ветру, невозможно ни рассмотреть, ни пройти далеко в глубь из-за падающих перьев. Ведь и земля и воздух наполнены перьями, они-то и заслоняют вид*” (Геродот, IV, 7).

Далее в тексте своей “Истории” Геродот возвращается к данному сюжету и пытается реалистически объяснить это явление: “*Что же касается перьев, о которых скифы говорят, что они наполняют воздух и что из-за них невозможно ни видеть, ни пройти в глубь страны, то о них у меня следующее мнение. В области, которая находится выше этой страны, всегда идет снег, летом, естественно, меньше, чем зимой. Всякий, кто видел вблизи падающий густой снег, знает то, о чем я говорю. Снег ведь похож на перья. Вследствие того, что там такая зима, части этого материка, обращенные к северу от этой страны, необитаемы. Я полагаю, что скифы и их соседи так рассказывают, уподобляя снег перьям*” (Геродот, IV, 31).

Таково расселение племен на территории Скифии времен Геродота. Позже многие из них вообще не упоминаются: вероятно, произошло их перемещение и слияние друг с другом. Геродот упоминает и соседей скифов, которые были известны и в более позднее время. Это *савроматы* (*сарматы*), которым посвящена отдельная глава, а также *тавры* и *меоты*.

Тавры жили на самом юге Крыма, в горах. “*Они приносят в жертву Деве и потерпевших кораблекрушение, и тех эллинов, которых они захватят, выплыв в море, таким образом: совершив предварительные обряды, они ударяют их дубинкой по голове. Одни говорят, что тело они сбрасывают вниз со скалы (ведь святилище воздвигнуто на скале), а голову втыкают на кол; другие же соглашаются с тем, что голову втыкают на кол, однако говорят, что тело не сбрасывают со скалы, но предают земле. Сами тавры говорят, что то божество, которому приносят жертвы, – это Ифигения, дочь Агамемнона. С врагами, которых захватывают в плен, они поступают следующим образом: каждый, отрубив пленному голову, несет ее к себе в дом, затем, посадив на длинный кол, ставит ее, высоко поднятую над домом, чаще всего над дымоходом. Они утверждают, что это возвышаются стражи всего дома. Живут же они награбленной добычей и войной*” (Геродот, IV, 103). Известны археологические памятники тавров – каменные ящики, в которых умерших хоронили в скорченном положении. Они свидетельствуют о том, что культура тавров была самобытной и резко отличалась от скифской. Удивителен следующий факт: письменные источники упоминают тавров в Крыму вплоть до начала средневековья, а их археологические памятники позже V в. до н.э. пока неизвестны. Территория тавров была мало пригодна для жизни и не способствовала их быстрому социальному развитию. Сам факт умерщвления чужеземцев говорит о том, что у тавров не

была развита торговля. Лишь в V в. до н.э. на их территории появилась греческая колония – Херсонес Таврический.

Меоты жили на берегах Меотийского (Азовского) моря. В письменных источниках они упоминаются с VI в. до н.э. вплоть до средневековья. Особенно много их памятников найдено в Прикубанье, они свидетельствуют о тесных связях меотов со скифами, в зависимости от которых они, видимо, находились. Их культура относится к культурам скифского типа. В IV в. до н.э. меотские памятники выделяются достаточно четко, а курганы VII–VI вв. до н.э. принято считать скифскими, оставленными ими во время походов через Кавказ в Переднюю Азию. Это Келермесские, Костромские и Ульские курганы, о которых говорилось в предыдущей главе. Надо сказать, что некоторые исследователи относят эти курганы к меотам.

Скифо-персидская война конца VI в. до н.э. В 585 г. до н.э. скифы окончательно вернулись из Передней Азии. Период походов прекратился. Самым ярким событием в истории скифов конца VI в. до н.э. явилась их героическая борьба с вторгшимися на скифскую землю войсками персидского царя Дария. Она подробно описана Геродотом и греком Ктесием, который был придворным врачом персидского царя.

Дарий I готовился к масштабной войне с Грецией. Предварительно он решил отрезать ее от областей, богатых хлебом и скотом, и этим подорвать греческую торговлю. После покорения Фракии настала очередь Скифии. Поводом для войны была объявлена месть за походы скифов в Переднюю и Малую Азию. Дата выступления Дария против скифов не вполне ясна. Самая ранняя датировка – 519 г. до н.э., а также 515 г., 513–512, 511, 508–507 гг. и даже конец VI в. до н.э. Точная дата скифского похода Дария остается неустановленной, но можно говорить, что он был в промежутке между 520 и 507 гг. до н.э.

Дарий очень серьезно относился к походу против скифов. Во всяком случае, мобилизованы были значительные силы его великой державы, он рассылал гонцов к подданным, приказывая одним доставлять пешее войско, другим поставлять корабли, третьим строить мост через Боспор Фракийский. Освободиться от этого “военного призыва” всемогущественного Дария было невозможно. Геродот рассказывает, как один из персов по имени Ойобаз попросил Дария оставить ему хотя бы одного из трех сыновей, собиравшихся на эту войну. “*Тот же сказал, что оставит ему всех детей, так как он, будучи ему другом, просит немногого.*”

И вот Ойобаз очень обрадовался, надеясь, что сыновья избавлены от похода. Дарий же приказывает тем, кто был поставлен для этого, убить всех сыновей Ойобаза. Они, убитые, были оставлены тут же, на месте” (Геродот, IV, 84). По словам Геродота, Дарий привел с собой в Скифию 700 000 воинов вместе с конницей и 600 кораблей под командованием греческих тиранов. Хотя, по мнению исследователей, такая огромная численность войска Дария выглядит неправдоподобно, поскольку такое количество воинов и лошадей просто невозможно было бы прокормить.

Для переправы войска через Истр (Дунай), чуть выше его устья, заранее по приказу Дария был построен мост, охрану которого он поручил пришедшим с ним грекам. Дарий передал им ремень, на котором было завязано 60 узлов, и велел в ожидании возвращения персов каждый день развязывать по одному узлу, если же за это время войско не вернется, грекам было разрешено вернуться на родину. Таким образом, Дарий рассчитывал завершить покорение скифов за два месяца и углубиться в Скифию на 800–1000 км.

Узнав о переправе Дария, скифы первым делом отправили на север свои стада и кибитки с женами и детьми. Затем они призвали соседние племена бороться против персов, но не получили единодушного согласия на участие в войне против захватчиков. Невры, агафирсы, меланхлены, тавры и андрофаги отказали скифам в помощи, мотивируя это тем, что персы справедливо мстят скифам за их предыдущие походы в Азию, а савроматы, будины и гелоны заключили союз со скифами. Земледельческие племена (скифы-земледельцы и скифы-пахари), видимо, также принимали участие в скифском союзе.

Скифская армия состояла из трех частей. Главные силы находились под командованием скифского царя Идантирса. Другая часть войска состояла из скифов, гелонов и будинов, ее возглавлял Таксакис. Третьей частью, состоящей из скифов и савроматов, командовал Скопасис. Значительную силу скифам придавала их подвижная и многочисленная конница. Дарий стремился к открытому сражению, надеясь на многочисленность своей армии. Скифы же разработали свою тактику – *“...они решили ни в коем случае не давать открытого сражения, ...постепенно отходя и угоняя скот, засыпать колодцы и источники, мимо которых они будут проходить, истреблять растительность на земле...”* (Геродот, IV, 120). Отряду Скопасиса надо было отступать вдоль Меотиды (Азовского моря), заманивая врага к реке Танаис (Дон), если Дарий повернет в этом направлении, а если отсту-

пит – преследовать, нападая. Отряды Идантирса и Таксакиса, держась на расстоянии одного дня пути от персидской армии, также должны были уводить Дария в глубь Скифии, при этом хитрые скифы двигались через земли неприсоединившихся к ним племен, и те вынуждены были вступать в столкновения с персами, поскольку, согласно плану скифов, *“...если они добровольно не вступили в войну против персов, то следовало втянуть их в войну против воли”* (Геродот, IV, 120).

Дарий безуспешно пытался встретиться с армией скифов. Он двигался на восток, преследуя отряд Скопасиса. В конце концов он послал к Идантирсу послание: *“Странный человек, что ты все время убегаешь, хотя у тебя есть возможность сделать одно из двух? Ведь если ты считаешь, что ты сам способен противостоять моему могуществу, тебе следует, остановившись и прекратив блуждания, сражаться; если же ты сознаешь, что ты слабее, то и тогда, прекратив бегство и неся своему владыке в дар землю и воду, приди для переговоров”* (Геродот, IV, 126). На это Идантирс через посланника ответил Дарию следующее: *“Мои дела, о Перс, обстоят таким образом: я и прежде не бегал в страхе ни от кого из людей и теперь от тебя не побегу; и я не делаю теперь ничего нового сравнительно с тем, что привык делать в мирное время. Объясню и то, почему я не вступаю с тобой немедленно в сражение. У нас нет ни городов, ни возделанной земли, и боязнь, что они будут вами захвачены и разорены, не заставляет нас скорее вступить с вами в сражение. Если же тебе нужно во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть отчие могилы. Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем. Но прежде, если у нас к тому не будет основания, мы с тобой в сражение не вступим. Относительно битвы сказано достаточно. Владыкой же своим я считаю только Зевса, моего предка, и Гестию, царицу скифов. А вместо даров земли и воды я пошлю тебе такие дары, которые тебе подобает получить; а за то, что ты объявил себя моим владыкой, тебе придется плакать. Таков ответ скифов”* (Геродот, IV, 127). И отступление скифов продолжалось.

Оказавшись в пустынных местах Приазовья и исчерпав половину времени, предназначенного на войну со скифами, Дарий вынужден был повернуть назад. Скифы же сменили тактику. Теперь они и днем и ночью предпринимали нападения на части персидской армии в то время, когда те добывали продовольствие. Таким образом, скифы и уничтожали воинов Дария, и лишали продовольствия его основные части. При этом, *“...конница*

скифов всегда обращала в бегство конницу врага, а спасшиеся бегством всадники персов устремлялись к пехоте, и пехота приходила им на помощь. Скифы же, отбросив конницу, поворачивали назад, боясь пехоты” (Геродот, IV, 128). На удивление Геродота, лишь одно иногда смущало их: это ослы и мулы персов, которых у скифов не было. “Часто во время нападения на персов, как только лошади слышали крик ослов, они приходили в смятение, поворачивая назад, и пребывали в изумлении, насторожив уши, так как прежде не слышали такого звука и не видели такого внешнего облика” (Геродот, IV, 129).

Скифы сознательно заманивали персов в глубь своей территории, оставляя незначительную часть скота со своими пастухами-рабами. “Всякий раз, когда скифы видели, что персы пришли в замешательство, то, для того чтобы они дольше оставались в Скифии, а оставаясь, мучились, лишённые всего необходимого, скифы поступали следующим образом: оставляют часть своего скота с пастухами, а сами, не спеша, отступят в другую область, персы же, придя, захватывают скот и, захватив, приободряются от совершенного. Поскольку это много раз повторялось, Дарий, наконец, очутился в безвыходном положении...” (Геродот, IV, 130, 131).

Видя, что армия персов находится в тяжелом положении, скифы послали к Дарию вестника, который передал царю птицу, мышь, лягушку и пять стрел, предложив персам самим понять, что обозначают эти дары. Дарий решил, что скифы отдают ему свою военную мощь (стрелы), землю (мышь) и воду (лягушку). Однако один из приближенных Дария разгадал эту загадку иначе: “Если только вы, персы, не улетите в небо, обратившись в птиц, не укроетесь в земле, став мышами, или не прыгнете в болото, обратившись в лягушек, вы не вернетесь назад, поражаемые вот этими стрелами” (Геродот, IV, 132).

После этого скифы все-таки решили вступить в сражение с ослабленными персами. Но, когда две армии выстроились друг перед другом в боевом порядке, мимо скифов пробежал заяц, и все они с криком и шумом бросились за ним. Дарий это истолковал как глубокое презрение скифов к персам и решил поспешить с возвращением. Он отправился к Дунаю, оставив в лагере для усыпления бдительности противника ослов, пугающих скифских лошадей, и самых слабых людей; скифы решили, что в лагере находится все войско, и лишь позже выяснили, что Дарий их обманул. Тогда они на своих конях обогнали пеших персов и раньше вышли к мосту через Истр (Дунай), охраняемому греками. Поскольку срок, данный Дарием на охрану моста, уже кончился (Дарий пробыл в Ски-

фии немногим более 60 дней), скифы стали угрожать грекам разрушить мост. Некоторые согласились с этим, среди них был герой будущего марафонского сражения Мильтиад, но большинство решило ждать Дария, скифам же было сказано, что они приняли их предложение. Греки разрушили лишь часть моста – ту, которая примыкала к скифскому берегу. Скифы же, поверив грекам, повернули от реки на поиски персов. Но скифы ошиблись в выборе маршрута отступления персов и не столкнулись с остатками армии Дария. Так закончилась скифо-персидская война. Персидским войскам едва удалось бежать из Скифии, которую они так и не смогли победить.

Оценка результатов скифо-персидской войны в историографии различна. Одни исследователи считают поход Дария успешным, поскольку основная его цель – избежать нападений с севера во время последующей греко-персидской войны – была достигнута, но большинство исследователей скифский поход оценивают как неудачный. Его даже сравнивают с провалом русской кампании Наполеона 1812 г. Главной причиной неудачи Дария многие считают его незнание географии Скифии.

Наивысшего расцвета скифское государство достигло в начале IV в. до н.э. при царе Атее. Границы Скифии тогда простирались от Дуная до Дона. Он обосновался на Дунае, где возникла Малая Скифия. В это время стали частыми столкновения скифов с фракийцами. Атей для борьбы с ними пригласил македонского царя Филиппа, который согласился лишь при условии, что Атей сделает его своим наследником. Вскоре царь Фракии скончался, и Атей разорвал свой договор с Филиппом. В ответ на это началось наступление македонцев, в упорном бою с которыми в 339 г. до н.э. погиб и царь Атей. Ему было 90 лет. Филипп захватил в плен 20 000 женщин и детей и множество скота. Однако сама Скифия не была затронута и оставалась самостоятельным государством.

В 331 г. до н.э. произошло столкновение скифов с македонской армией. Зопирион, наместник Александра Македонского во Фракии, вторгся в Скифию, дошел до Ольвии и осадил ее, но взять город ему не удалось: ольвиополиты освободили рабов и пополнили ими свою армию. Зопирион повернул назад, напавшие на него скифы уничтожили его армию, сам он погиб в сражении. Таким образом, у скифов к тому времени было еще достаточно военного потенциала.

С конца IV в. до н.э. скифы начали терять часть своих восточных земель в связи с продвиже-

нием сарматских племен. Затем скифов стали теснить и с запада – племена гетов и кельтов. В результате всех этих событий территория Скифии значительно сокращается, ограничиваясь степным Крымом до гор Таврии и бассейнами Нижнего Днепра и Буга. Начинается новый, поздний, период в истории скифов.

Таковы сведения об истории этого народа, полученные из произведений греческих авторов. Немало фактов дают нам и археологические памятники: курганы, городища и поселения.

Скифские курганы. Это наиболее яркие памятники Северного Причерноморья. Встречаются богатые и бедные погребения, что отражает процесс имущественной дифференциации общества. К числу богатых, “царских”, курганов относятся курганы Чертомлык, Солоха, Толстая и Гайманова могилы на Днепре, Мелитопольский курган, Куль-Оба на Керченском полуострове и ряд других курганов. Их описания многократно и подробно даны в археологической литературе. Мы остановимся лишь на некоторых из них.

Курган *Куль-Оба* (*холм пепла* – по-татарски) был исследован в 1830 г. Курган оказался сложным из камня, который решено было разобрать для строительства домов. При этом обнаружили склеп, исследовать который взялся П. Дюбрюкс. Погребение оказалось неграбленным. Склеп имел вид квадратной камеры, сложенной из отесанных камней, к нему вел коридор. Перекрытие представляло собой ступенчатую пирамиду: каждый верхний ряд камней выступал над нижним (рис. 5). Главное захоронение, видимо, принадлежало царю. На его шее была массивная золотая гривна, концы которой завершались фигурками всадников, на руках и ногах обнаружены браслеты. Рядом лежало оружие, части которого были украшены золотыми обкладками с изображением борющихся зверей.

Второе погребение принадлежало женщине – жене или наложнице царя. Она была положена в деревянный саркофаг с пластинами из слоновой кости, на которых гравировкой были нанесены рисунки на сюжеты греческих мифов. С ней найдены многочисленные бляшки от одежды, три пары золотых подвесок, одна из них – с изображением головы богини Афины, ожерелье и тяжелая золотая гривна. Но самой интересной находкой оказалась небольшая чаша из электра (сплава золота и серебра), украшенная сценами, изображающими скифов-воинов, воспроизведенных с потрясающим реализмом и этнографической точностью (фото 2, 1).

Третий погребенный – слуга. Рядом с ним лежали кости лошади, бронзовые поножи и шлем. Вдоль стен найдены серебряные тазы, блюда, мелкие сосуды, два ритона, глиняные амфоры и чаша для питья вина. У дверей располагались медные котлы. Во время раскопок вокруг кургана стояло военное оцепление. Когда работы были почти завершены, его сняли. Ночью в склеп проникли грабители, выворотили огромные плиты пола и нашли под ними тайник с золотыми вещами, которые были проданы населению и переплавлены. П. Дюбрюксу удалось выкупить часть гривны с львиными головами и крупную золотую бляху в виде оленя (см. фото 2, 2).

Курган Куль-Оба явно имеет скифскую принадлежность. Огромное количество блях изображает сцены из скифского быта, в скифском зверином стиле оформлены золотые обкладки вооружения, скифским является и само вооружение. Но греческое влияние здесь чувствуется гораздо сильнее, чем в других “царских” скифских курганах. Греческой является сама архитектура склепа. Не случайно курган располагался у Пантикапея – столицы греческого Боспорского царства. Находки из кургана хранятся в Эрмитаже. Они датируются последней третью IV в. до н.э.

Не менее интересен курган *Чертомлык* в Приднепровье, исследованный в 1862–1863 гг. И.Е. Забелиным. Раскопки производились им настолько точно и квалифицированно, что в наше время на основании чертежей М.П. Грязнову удалось реконструировать его форму в виде двух усеченных конусов, стоящих друг на друге. И.Е. Забелин значительную часть насыпи оставил нетронутой. Раскопки, проведенные в наше время, подтвердили правильность реконструкции М.П. Грязнова.

К моменту раскопок высота кургана достигала 21 м, а диаметр – 130 м. На глубине 10 м от вершины были обнаружены следы тризны. Центральная могила углублялась в материк на 12 м, она была полностью ограблена, но злоумышленникам не удалось вынести из могилы все находки. Один из них оказался засыпанным землей в грабительском лазе. Здесь были найдены золотые бляшки и шесть мечей с золотыми пластинами.

От каждого угла центральной камеры отходили узкие катакомбы, оставшиеся неграбленными. В трех из них находились захоронения, среди которых особенно выделялось усыпанное золотыми бляшками погребение “царицы”, в иной мир ее сопровождал слуга. Найдены были золотая гривна, браслеты, серьги, на каждом пальце “царицы”

Фото 2. Находки из кургана Куль-Оба. Золото.

1 – деталь электрового кубка, 2 – бляха (по: *Искусство...*; рис. 186, 213).

красовался золотой перстень. Но самой ценной находкой оказалась знаменитая теперь уже серебряная чертомлыкская ваза (фото 3). На ее тулове изображены цветы и птицы, а на фризе – сцены терзания животных и сцены из жизни скифов-кочевников. Они отличаются исключительной реалистичностью и живостью.

В других нишах, отходящих от центральной ограбленной камеры, были погребены прибли-

женные царя с множеством золотых, серебряных и бронзовых изделий. Было найдено также около 20 глиняных греческих амфор, когда-то наполненных вином. Отдельно лежали 11 коней в золотых и серебряных уздечных наборах, их сопровождали два конюха. Инвентарь датируется концом IV в. до н.э. и хранится в Эрмитаже.

В 1912–1913 гг. был исследован курган *Солоха*, расположенный в Приднепровье, около Ни-

Фото 3. Ваза из кургана Чертомлык. Серебро (по: *Искусство...*; рис. 266).

кополя. Курган содержал две могилы в виде склепов. Первая из них принадлежала “царице” была почти полностью разграблена, но все же здесь удалось найти значительное количество золотых изделий. Рядом с этим склепом находились могилы двух коней. Вторая могила не была ограблена. Она, видимо, принадлежала “царю” и отличалась исключительным богатством. Среди находок особенно выделяется ставший всемирно известным золотой гребень, украшенный изумительной по тщательности выполнения группой из трех сражающихся воинов-скифов (фото 4). Находки хранятся в Эрмитаже и датируются серединой IV в. до н.э.

Раскопки показали, что крупные курганы очень трудоемки для археологических поисков, все они, кроме двух перечисленных, были когда-то ограбленными и не окупали заложенной в них работы. Поэтому раскопки таких курганов надолго были прекращены. Их возобновили значительно позже. В 1954 г. в *Мелитополе* при земляных работах на одном кургане были найдены золотые бляшки. Решено было раскопать этот курган, рас-

Фото 4. Гребень из кургана Солоха. Золото (по: *Искусство...*; рис. 128).

положенный на застроенной окраине города. Исследование его провел киевский археолог А.И. Тереножкин. Оказалось, что насыпь кургана была сложена из чередующихся слоев водорослей и вальков, изготовленных из болотистой почвы. Центральное погребение было почти полностью разграбленным, лишь в тайнике нашли колчан со стрелами, украшенный золотой пластиной со сценами из сказаний о жизни Ахилла (сейчас уже известны четыре такие пластины, оттиснутые с одной матрицы). Второе погребение, подвергшееся ограблению, принадлежало знатной скифянке. Оно частично сохранилось из-за обвалившегося потолка. На скифянке сохранилось огромное количество золотых бляшек, подвесок и бус, а в коридоре найдены скелет рабыни, деревянное ярмо и 11 винных амфор. Сохранились остатки погребальной повозки.

В 1969 г. в Запорожье был раскопан курган *Гайманова могила*. Это был первый “царский” курган, полностью раскопанный согласно новым методическим требованиям. Он был окружен каменной крепидой, защищавшей насыпь от оползания. На уровне древней дневной поверхности выявлены обширные следы тризны: конские и овечьи кости, разбитые амфоры. Погребальная камера была полностью ограблена. К счастью, грабители не заметили тайника, в котором рядами ле-

жали золотые и серебряные сосуды, среди них оказался и знаменитый теперь серебряный сосуд с рельефными изображениями шести фигур скифов.

Значительно более сенсационными оказались находки из кургана *Толстая могила* близ Никополя. Его раскопки в 1971 г. произвел Б.Н. Мозолевский. Высота кургана достигала 9 м, диаметр – 70 м. Его окружал широкий ров. В самом кургане выявлены следы грандиозной тризны: кости коней, диких свиней, оленей и десятки разбитых винных амфор. Подсчитано, что здесь могло быть съедено до 13 т мяса, следовательно, в тризне принимали участие около 3 тыс. человек. В кургане выявлены две могилы в виде глубоких катакомб. В боковом склепе сохранилось непо потревоженное погребение молодой “царицы” и малолетнего наследника. Вся одежда женщины была сплошь покрыта золотыми бляшками и пластинами, найдена массивная гривна, крупные золотые подвески и 11 колец. Ребенок был позже подзахоронен в могилу матери. С ним найдены золотые гривна, браслет, перстень, масса бляшек и три серебряных сосуда. Их сопровождали слуги: девочка, женщина и двое мужчин, видимо, засыпанных, когда они еще были живы.

Центральная гробница была сооружена раньше боковой и сопровождалась двумя конскими могилами с тремя погребениями конюхов возле них. Гробница была полностью ограблена, но в засыпанном коридоре найдены меч в ножнах с золотой обкладкой, на которой изображены сцены борьбы животных, и ставшая всемирно известной золотая пектораль весом 1 кг 150 г (фото 5). Она разделена на три яруса, каждый из которых заполнен многочисленными изображениями. На

нижнем ярусе даны сцены борьбы животных, средний – заполнен растительным орнаментом. Наиболее интересен верхний ярус с рельефными изображениями сцен из мирной жизни скифоконеводов. Эту находку Б.Н. Мозолевский назвал “развернутой симфонией о жизни в представлениях скифского общества”. Находки датируют курган не позднее середины IV в. до н.э.

Таков краткий очерк об основных “царских” скифских курганах. Все они датируются серединой–второй половиной IV в. до н.э. Наиболее грандиозны по своим размерам курганы Чертомлык и Солоха, что, видимо, отражает наибольшую могущество погребенных в них людей. Можно предполагать, что остальные курганы принадлежали представителям высшей аристократии, возможно, членам царской семьи или вождям конкретных племен или объединений. Общими чертами всех перечисленных погребений являлись большая глубина могил, их форма в виде склепа – катакомбы, отходящей от квадратной ямы, обилие золотых предметов, наличие ниш-тайников и резкое сокращение по сравнению с первым периодом числа коней, сопровождавших погребенного. Богатые женские погребения “цариц” обычно были самостоятельными, они совершались через некоторое время после захоронения “царя”, в боковых могилах его кургана. Основная часть “царских” курганов сосредоточена в Приднепровье, в районе речных порогов.

Археологические данные “оживают” и дополняются при прочтении погребально-поминального обряда скифских царей, подробно описанного Геродотом со слов очевидцев: “...каждый раз, когда у них умирает царь, они роют в земле большую че-

Фото 5. Пектораль из Толстой могилы. Золото.

1 – общий вид, 2 – деталь (по: *Искусство...*; рис. 118, 120).

тырехугольную яму. Когда же она готова, берут труп, тело натирают воском, живот, разрезанный и очищенный, заполняют нарезанным купырем, благовониями, семенами сельдерея, аниса, зашивают и увозят тело на повозке к другому племени. Те же, когда получают доставленный труп, делают в точности то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, волосы обстригают кругом, на руках делают надрезы, лоб и нос расцарапывают, левую руку прокалывают себе стрелами. Оттуда труп царя увозят на повозке к другому племени из тех, над которыми они властвуют; за ними следуют те, которых они посетили перед тем. Как только они, везя труп, обойдут всех, они оказываются у герров, занимающих среди подвластных им племен самые отдаленные края, и прибывают к могилам. И затем, опустив тело в могилу, на подстилку из соломы, воткнув копы по обеим сторонам трупа, кладут сверху бревна и потом покрывают камышовой плетенкой. В свободном пространстве могилы они хоронят, удушив, одну из наложниц и виночерпия, и повара, и конюха, и слугу, и вестника, и лошадей, и начатки всего остального, и золотые чаши, — а серебром и медью они совсем не пользуются. Сделав это, они все насыпают большой курган, соревнуясь между собой и стремясь сделать его как можно выше.

По истечении года они опять делают следующее. Из оставшихся служителей берут самых подходящих. (Это природные скифы, так как царю прислуживают те, кому он прикажет, а слуг, купленных за деньги, у них нет.) Так вот, удавив пятьдесят человек этих слуг и пятьдесят самых красивых лошадей, вынув у них внутренности и очистив, наполняют мякиной и зашивают. Укрепив на двух бревнах перевернутую половину колеса, а другую половину колеса на двух других бревнах и воткнув таким вот образом много пар бревен, они затем, проткнув лошадей в длину до шеи толстыми кольями, поднимают их на колеса. Из этих колес те, что впереди, поддерживают плечи лошадей, а те, что сзади, подпирают брюхо ближе к бедрам, при этом обе пары ног висят в воздухе. Надетые на лошадей уздечки и удила они натягивают впереди и затем привязывают к колышкам. Каждого из пятидесяти удушенных юношей усаживают по одному на лошадь, усаживая таким образом: в каждый труп втыкают вдоль позвоночника до шеи прямой кол; конец этого кола, который выступает снизу, они вбивают в просверленное отверстие другого кола, проходящего сквозь тело лошади. Расставив таких всадников вокруг могилы, они уходят” (Геродот, IV, 71, 72).

Геродот указывает, что скифских “царей” хоронили в местности Геррос на Днепре. Локализация этого места дискуссионна. По Геродоту до этого места — 40 дней плавания, и тут находятся

пороги. Оба этих указания взаимно исключают друг друга. Действительно, в области между Никоподем и Запорожьем найдена основная часть “царских” курганов, но они возникли значительно позже времени Геродота, уже в IV в. до н.э., а сосредоточения богатых погребений V в. до н.э. нам пока неизвестны.

Что касается рядового населения Скифии, то их погребально-поминальная обрядность значительно скромнее. По описаниям Геродота, “...когда они умрут, самые близкие родственники везут, положив на повозки, к друзьям. Каждый из этих друзей, принимая сопровождающих у себя, обильно их угощает и ставит возле трупа все то же, что и другим. Частных людей везут так сорок дней, затем погребают их. Совершив погребение, скифы очищаются таким способом: вымыв и умастив головы, они проделывают с телом следующее. Поставив три жерди, наклоненные одна к другой, они натягивают вокруг них шерстяные покрывала. Сдвинув покрывала как можно плотнее, они кидают в чан, поставленный в середине жердей и покрывал, раскаленные докрасна камни.

Растет у них в стране конопля... Она растет и сама по себе и посеянная. ... Так вот скифы, взяв зерна этой конопли, подлезают под покрывала и затем бросают зерна на раскаленные на огне камни. Насыпанное зерно курится и выделяет столько пара, что никакая эллинская парильня не сможет это превзойти. Скифы же, наслаждаясь парильней, вопят. Это у них вместо мытья: ведь они вообще не моют тело водой. Женщины их растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладанного дерева, добавляя воду, и этой перетертой густой массой натирают все тело и лицо. От этого они приобретают аромат. А на следующий день, сняв пластырь, они одновременно становятся чистыми и блестящими” (Геродот, IV, 73–75).

Из контекста этого отрывка также ясно, что Геродот не понял внутреннего смысла скифского очистительного обряда, поскольку сами греки в то время не знали ни самой конопли, ни ее наркотических свойств. В данном случае речь идет не столько о внешнем, “гигиеническом” очищении, сколько о религиозном акте, участники которого доводили себя до экстаза путем наркотического воздействия дыма конопли. Видимо, подобные “очищения” были очень распространены в скифо-сибирском мире, поскольку подобные “парильни”, во многом совпадающие с описанными Геродотом, были найдены и в Пазырыкских курганах Алтая.

Помимо “царских” могил, раскопано огромное количество и других курганов, отличающихся

различной степенью имущественной дифференциации. В этих погребениях четко прослеживаются локальные различия. Так, в Приднепровье обычно хоронили в склепах-катакомбах, в Крыму – в прямоугольных ямах; здесь значительно реже, чем на Днепре, встречаются захоронения коней, меньше жертвенной пищи. На Керченском полуострове, где было много греческих поселений, в обряде и инвентаре больше чувствуется греческое влияние, а около города Нимфея даже существовал общий некрополь для греков и скифов. Отличительной чертой всех этих погребений является наличие оружия в мужских могилах.

Каменское городище. В VI–V вв. до н.э. поселения почти неизвестны, что было связано с кочевым образом жизни скифов. Единичные поселения появляются на Днепре с V в. до н.э. (Каменское городище) и на Дону в V–III вв. до н.э. (Елизаветинское и другие городища). Чаше поселения возникают с IV–III вв. до н.э., что было вызвано интенсивным процессом “оседания” на землю. В это время на Днепре и в низовьях Дона появляются небольшие неукрепленные селища и отдельные городища, что говорит о кочевом образе жизни населения данного региона. В степном Крыму поселений не было до III в. до н.э. Лишь на Керченском полуострове первые признаки оседлости кочевников появляются уже в VI–V вв. до н.э., но широкий процесс начинается в IV–III вв. до н.э.

Наиболее интересным памятником является **Каменское городище**. Это самое крупное из всех существовавших собственно скифских городищ. Его площадь занимает около 12 км². Исследовал это городище Б.Н. Граков в 1952 г. в связи со строительством Каховского водохранилища. Городище расположено на Днепре напротив Никополя. Почти со всех сторон оно было защищено крутыми берегами Днепра, Конки и Белозерского лимана. Городище состояло из двух частей. Более крупной была северо-восточная часть. От степи она отделялась земляными валами. Между этими валами и заселенной частью лежала пустая полоса шириной от 800 до 1200 м, видимо, защищавшая дома от поджога горящими стрелами и служившая загоном для скота. Деревянные дома были двух типов: овальными с многочисленными пристройками и прямоугольными, состоящими из 2–3 комнат. Крыша домов была двухскатной, в центре жилища находился глинобитный очаг. Площадь жилищ колебалась от 40 до 150 м². Кроме наземных домов, встречались землянки, состоящие из нескольких комнат. Это был город ремесленников. Вокруг жилищ, на производственных площадках,

обнаружены остатки от изготовления железа, кузнечного и бронзолитейного ремесел. Основным занятием населения можно считать металлургию.

Небольшая юго-западная часть городища была аристократической. Здесь возвышался акрополь, дома были каменными. Среди находок обнаружены обломки краснофигурных сосудов и кости оленя, бобра и сома. Такие находки в ремесленной части не встречались. Только верхушка могла покупать дорогую греческую расписную посуду, заниматься охотой и ловлей крупной рыбы. Отличался и вал этой части. Он был сверху дополнен стеной из сырцового кирпича. Акрополь окружала двойная каменная стена, пространство между стенами было заполнено забутовкой из рваного камня. Городище возникло, как полагает Б.Н. Граков, на рубеже V и IV вв. до н.э. Оно было крупным экономическим (а может быть, и политическим) центром Скифии на протяжении IV–III вв. до н.э. Большая, ремесленная, часть городища прекратила свое существование на рубеже III–II вв. до н.э. Площадь его с тех пор ограничивалась только акрополем. Каменское городище наряду с другими поселениями дало яркий материал для реконструкции экономики скифов данного периода.

Экономика скифов. Основным занятием населения было скотоводство. Часть скифов вела кочевой образ жизни, другая часть переходила к отгонному полукочевому скотоводству, оседлости и занятию земледелием. В скотоводстве большое место занимало разведение коней, которые относились к двум породам. Преобладали мелкие выносливые кони. Они были транспортным средством и основным мясным продуктом питания. Пили скифы и молоко кобылиц, изготавливали из него кумыс и сыр. Крупные стройные кони встречались реже. Греков удивляло отсутствие у скифов ослов и мулов. Крупный рогатый скот был комолым (безрогим) или короткорогим. Об этом говорит Геродот и свидетельствуют костные останки. На Каменском городище количество останков коров и коней было одинаковым. Большое значение имело и овцеводство (см. фото 5). От овец получали молоко, их шкуры умели выделывать. При раскопках встречаются единичные находки костей свиней и собак.

В целом хозяйство скифов было комплексным: они занимались не только скотоводством, но и земледелием. Последнее было распространено как в земледельческих, так и в кочевых областях скифов. Не случайно в легенде о происхождении скифов фигурирует золотой плуг. По Геродоту скифские племена алазонов и каллипидов сеяли

зерновые, лук, чеснок, чечевицу. Получали скифы продукты земледелия и от подвластных лесостепных племен, в землях которых археологами выявлено много поселений земледельческого характера. Зерном скифы торговали с греками. Около Ольвии обнаружено поселение скифов, в их жилищах выявлена специальная печь для просушки зерна и много обгорелых зерен пшеницы. Землю обрабатывали деревянными плугами, жали железными серпами, похожими на современные. Муку получали с помощью зернотерок и античных жерновов. Охотой занималась лишь богатая часть населения. Рыбу скифы почти не ели, лишь позже, под влиянием греков, у которых заготовка рыбы и употребление ее в пищу были распространенным явлением, скифы стали вводить ее в свой рацион.

О высоком уровне ремесленного производства свидетельствует сам факт существования такого центра, как Каменское городище. Особое место занимало изготовление железа и кузнечное ремесло. Здесь обнаружены куски местной болотной руды и руды криворожского происхождения. При раскопках в большом количестве встречаются куски железного шлака, обломки горнов, глиняных сопел для мехов. Железо варилось прямым сыродутным способом: в шлаке оставалось от 40 до 60 % пригодного металла. Судя по находкам в жилищах, одни и те же мастера ковали железо и лили бронзу. На Каменском городище встречены обломки глиняных и каменных литейных форм, пролитый металл. Наконечники стрел изготавливались сотнями и тысячами: так много их требовалось воинам. Большие котлы отливали в сложных формах. Находки нескольких бракованных бронзовых изделий в зверином стиле и украшений говорят о том, что мастера-литейщики были одновременно и ювелирами.

О значительной роли военного дела в жизни скифов свидетельствует разнообразное вооружение, обнаруженное в погребениях (рис. 6).

Развито было и косторезное дело. А вот гончарный круг, несмотря на то, что рядом был пример греков-колонистов, в то время у скифов так и не привился, керамика была лепной (рис. 7), сохранились печи, в которых ее обжигали. Возможно, это было связано с широким использованием дешевой и прочной греческой гончарной керамики. О наличии ткачества свидетельствуют многочисленные глиняные пряслица. Отпечатки на лепных сосудах говорят о наличии и очень тонкой, и грубой пряжи. Нити делали из овечьей шерсти и конопли. Найдены остатки тростниковых циновок.

Торговля в Скифии играла большую роль и была развита в обществе. Торговали с греками. Первостепенное значение имели связи с Ольвией,

а затем и с Пантикапеем. На первом месте стояла торговля хлебом (пшеницей). Размах его вывоза слабеет с конца III в. до н.э., что было связано с продвижением кочевых сарматских племен, заселявших скифские земли, и с конкуренцией дешевой египетской пшеницы. Кроме того, скифы вывозили мед, воск, шкуры и скот. Но особенно много везли из Скифии рабов, захваченных в столкновениях с соседями. Ввозилось же из Греции вино, которое пользовалось у скифов большой популярностью. Причем скифы, в отличие от греков, пили его не разбавленным. Вино ввозили в больших амфорах, обломки которых постоянно встречаются при раскопках скифских памятников. А.М. Хазанов пишет: “Фрагменты амфор, содержащих вино, выпитое на тризне, находят почти во всех скифских погребениях, даже в самых бедных. Если добавить, что молва о склонности скифов к пьянству и раньше была широко распространена по всему греческому миру, то приходится констатировать, что в IV в. до н.э. происходило в полном смысле спаивание скифов – как много позднее торговцы спаивали индейцев Северной Америки и другие колониальные племена”.

Привозили греки в Скифию оливковое масло, массу греческой столовой посуды и различные благовония. Особое место занимал ввоз предметов торевтики: художественных изделий из бронзы, серебра и золота. Они были выполнены на скифский вкус. Дешевые вещи попадали в руки рядовых скифов, а дорогие, высокохудожественные – в руки знати. К числу таких дорогих предметов относятся греческий гребень из Солохи, амфора из Чертомлыка, пектораль из Толстой могилы, кубки с изображениями скифов и другие предметы. Привозили и чисто греческие изделия: золотые серьги, кольца, подвески, зеркала и т. д.

Нередко греческие купцы со своим товаром отправлялись в глубь Скифии и за ее пределы. В начале рассматриваемого периода первенство в торговле принадлежало Ольвии. Так, ольвийские зеркала доходят до Урала. В IV в. до н.э. лидером в торговле стало мощное Боспорское царство. Предполагают, что именно его мастерами были изготовлены перечисленные выше художественные изделия.

При столь развитой торговле греческие монеты не проникли в Скифию, их находки единичны и случайны. Вероятно, основным мерилом ценности служил скот. Б.Н. Граков предполагает, что своеобразной денежной единицей у скифов были бронзовые наконечники стрел. В отдельных могилах они встречаются сотнями, причем среди них есть и бракованные, явно не предназначенные для стрельбы.

Общественные отношения и государственный строй скифов. Общественные отношения скифов детально исследованы А.М. Хазановым в работе “Социальная история скифов”. При этом он базируется не только на письменных источниках и археологическом материале, но и на глубоком анализе структуры кочевых обществ.

Для общественного строя скифов прежде всего типично сохранение целого ряда черт родовых отношений, что отмечается и у других кочевых народов. Для семейных отношений характерен переход от малой семьи к большой патриархальной. Дело в том, что у кочевников существовала малая семья, а у земледельческих племен – большая. Переход к оседлому образу жизни привел к изменению и семейных отношений, долгие малая семья сохраняется у кочевых скифов. При наследовании, как полагают некоторые исследователи, основываясь на легендах о происхождении скифов, действовала система минората – передача наследства младшему сыну. Старшие сыновья отделялись еще при жизни отца, и в семье оставался младший. Однако эта точка зрения поддерживается не всеми. Родство было патрилинейным. В скифском обществе сохраняются родовые традиции, но уже происходит ослабление родовых связей, о чем ярко свидетельствует обряд побратимства. Побратимы капали свою кровь в чашу с вином и вместе выпивали его. Этот обряд зафиксирован в ряде бляшек, он описан и Геродотом.

Социальная структура была сложной. Главное место занимал царский правящий род, с которым, видимо, были связаны так называемые “царские” курганы. За ним следуют родоплеменная и отчасти служилая знать и жречество. Все они составляют верхушку общества. Большая часть населения – рядовые свободные кочевники, эксплуатация которых была ограниченной, и обедневшие кочевники, более зависимые. Особое место занимают слуги. Основным объектом эксплуатации было зависимое население – данники, земледельцы, население лесостепных районов. Вероятно, существовала определенная градация в обложении их данью. Особая дань временами накладывалась на греческие города (Ольвию, Боспор). Но она не была постоянной, и при ней полностью сохранялась независимость греков. Существовало рабство, но оно, как и у всех кочевников, не играло большой роли. Все это свидетельствует о том, что общество было классовым.

Для внутренней жизни Скифии характерна борьба двух “партий”, которые современными историками называются *младоскифами* и *староскифами*. Первые стремились к сближению с греками

и их культурой, вторые – прочно отстаивали местные традиции. На начальных этапах вторая партия была более сильной. Геродот в своей книге описывает два эпизода. У скифов был царевич Анахарсис, который слыл ученым и глубоким мудрецом. Впоследствии греки идеализировали этот образ, приписав ему целый ряд открытий. Во времена Солона (в конце VI в. до н.э.) Анахарсис побывал в материковой Греции и в ее колониях. Он ближе познакомился с греческой культурой и религией. Особенно привлек его внимание культ Матери богов, и он решил следовать ему. Вернувшись домой, Анахарсис стал совершать в ее честь обряд с бубном. Это было замечено соплеменниками, которые сообщили об этом царю. Убедившись в правдивости этого сообщения, царь на месте убил выстрелом из лука своего брата.

Второй эпизод был аналогичным, он происходил чуть позже, в V в. до н.э. Скифский царь Скил, сын скифа и гречанки, вследствие своего воспитания был более склонен к греческим, чем к скифским обычаям. Временами он тайно приезжал в Ольвию, переодевался в греческую одежду, вел здесь греческий образ жизни и даже женился на местной женщине. Однажды между скифами и греками возник спор на религиозной почве. Скифы скептически отнеслись к вакхическому культу Диониса. Тогда ольвиополиты рассказали, что Скил тоже принимает участие в вакхических танцах и тайно показали им Скила – участника священной процессии. Скифы, вернувшись домой, подняли восстание против царя и поставили на его место брата, которому удалось задержать Скила и публично отрубить ему голову. В настоящее время некоторые ученые предполагают, что именно со Скилом связан интересный склеп в греческой колонии Никония, находившийся к западу от Ольвии. Это скифское захоронение отличалось значительным богатством, а некоторые находки были явно царского ранга (например, бронзовое навершие с изображением, как предполагают, скифского божества Папая). Фактически это единственный случай найденного расположения скифского погребения в греческом городе. Дата гибели Скила и находки относятся к середине V в. до н.э.

Все это свидетельствует о том, что в конце VI в. и V в. до н.э. староскифские традиции были очень сильны. В IV–III вв. до н.э. положение меняется. Об этом явно говорит инвентарь скифских курганов. Появляются не только изделия греческого производства, но и воспроизведение на этих вещах сюжетов по мотивам греческих мифов и изображения греческих богов. Но не все у греков

оставалось понятным скифам: так, царь Атей, прослушав игру на флейте, сказал, что для его слуха приятнее ржание лошадей. В целом же греческая культура уже в оценке современников оказала неоднозначное, как положительное, так и отрицательное, влияние на скифов. Несколько позднее об этом писал Страбон (64–63 гг. до н.э.–23–24 гг. н.э.) в своем известном труде “География”. Он, противопоставляя моральный облик скифов и современных ему греков, отмечал: *“Ведь мы считаем скифов самыми прямодушными, меньше всего способными на коварство, а также гораздо более бережливыми и более независимыми, чем мы. Вообще говоря, принятый у нас образ жизни испортил нравы чуть ли не всех народов, внеся в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков – гнусные происки и порождающие их бесчисленные проявления алчности. Подобного рода нравственная испорченность в значительной степени затронула и “кочевников”* (Страбон, кн. VII, гл. III, 7). По словам Страбона, воздействие греческой культуры на варварские народы, хотя и способствует смягчению их дикости, однако портит нравы и на место простодушия вводит коварство.

У скифов существовало государство. Оно выдержало испытание в войне с Дарием. Скифами была завоевана и подчинена лесостепная часть Северного Причерноморья. О том, что это было именно завоевание, свидетельствуют относящиеся к концу VI в. до н.э. следы огня на валах городищ. В V в. до н.э. международный авторитет

скифского царства, как это явствует из греческих источников, был достаточно велик. Царская власть, по представлениям того времени, имела божественное происхождение (точнее, происходила от божественных предков). В этом раннеклассовом государстве еще сохранялись отдельные черты первобытного строя. Наивысший расцвет государства пришелся на IV в. до н.э. – время царствования царя Атея, когда границы скифов начинались западнее Дуная и кончались на Дону. В это время резко растет экономическое и идеологическое обособление знати, что хорошо прослеживается на самом факте существования “царских” курганов и обособлении на Каменском городище аристократической части. Наблюдается эллинизация знати, которая явно берет торговлю с греками в свои руки. Появляется столица государства – Каменское городище. Царь Атей чеканит монеты со своим именем. Это было сделано для повышения престижа власти великого скифского царя, а сами монеты почти не имели хождения.

С гибелью Атея государство не прекратило своего существования. Об этом говорят археологические материалы. Продолжают совершаться царские захоронения, не прекращается жизнь на поселениях. Гибель царства, которое ряд историков называет вторым (по сравнению с царством VII–VI вв. до н.э.), происходит в конце III в. до н.э., когда на западе скифов беспокоят фракийцы и кельты, а с востока наступают их главные соперники – сарматы.

ПОЗДНИЕ СКИФЫ

Источники изучения. В III в. до н.э. начинается вытеснение скифов из Северного Причерноморья. Вместо прежней Скифии возникает Малая Скифия, охватывающая степной и предгорный Крым и Нижнее Приднепровье. Столица переносится в район современного Симферополя. Шесть веков просуществовало это государство, игравшее немаловажную роль в древнем мире. О нем рассказывают письменные источники и археологические исследования. О Малой Скифии и ее крепостях, о царе Скилуре и его сыне Палаке повествует в своей “Географии” греческий историк Страбон (64–63 гг. до н.э. – 23–24 гг. н.э.). Плутарх приводит легенду о Скилуре и его 80 сыновьях. Некоторые сведения о поздних скифах можно почерпнуть у Диодора Сицилийского и Диона Христомата. О взаимоотношениях скифов и греческих городов Северного Причерноморья сообщается в ряде греческих надписей, среди которых особенно известны ольвийский декрет в честь Протогена и херсонесский – в честь полководца Диофанта. Найдены монеты с именами некоторых скифских царей, чеканенные в Ольвии. Много ценного для реконструкции истории Скифии дают и археологические памятники, среди них особое значение имеют раскопки Неаполя Скифского и его некрополя.

История поздних скифов. В III в. до н.э. территория Скифии резко сократилась и ограничилась Нижним Приднепровьем и Крымом. На этом пространстве скифы были более консолидированными, чем раньше, к тому же они приблизились к путям морской торговли с греками. Наблюдается широкий процесс оседания скифов на земле, появляется большое количество поселений. Столицей скифского государства стал *Неаполь Скифский*, расположенный на территории современного Симферополя. Широкую известность получил царь Скилур, царствовавший во II в. до н.э. Греки рассказывали, что у него было 80 сыновей. Перед смертью он собрал их и предложил переломить пучок стрел. Никто не смог этого сделать, тогда

Скилур переломил все стрелы по одной и велел сыновьям держаться всем вместе: лишь тогда их никто не сломит, а по одному их можно легко перебить. Соправителем Скилура был его сын Палак, ставший затем царем. Скилур чеканил в Ольвии монеты со своим именем. Он-то и сделал своей столицей Неаполь Скифский.

Письменные источники сообщают о тех отношениях, которые у скифов сложились с соседями. Наиболее частыми были столкновения с греческим Херсонесом, они велись с попеременным успехом. Херсонес вел активную хлебную торговлю с другими греческими городами. Он начинает расширять свои владения на побережье и захватывает ряд греческих колоний, среди которых были Керкенида (на территории современной Евпатории), Прекрасная Гавань и Стены. Тем самым Херсонес стремился подчинить все западное побережье Крыма. Скифская знать предпочитала вести торговлю уже не через Херсонес, а самостоятельно. Поэтому на протяжении всей истории поздних скифов неоднократно проходили военные действия между скифами и херсонеситами. В этих столкновениях участвовали и сарматские племена, действуя то на одной, то на другой стороне.

О наиболее ярких военных действиях скифов нам рассказывает найденный в Херсонесе высеченный на камне декрет в честь Диофанта. Из него мы узнаем, что скифы во главе со Скилуром и Палаком начинают успешное завоевание западного побережья. У Херсонеса уже давно был заключен с Понтийским царством договор о помощи. Поэтому херсонеситы обратились к понтийскому царю Митридату с просьбой прислать войска против скифов. Во главе войск был поставлен полководец Диофант. Его трехкратная экспедиция происходила между 110 и 107 гг. до н.э. На помощь скифам поспешили сарматские воины из племени роксаланов, но они были уничтожены. Палак с войском напал на Херсонес. *“Тогда он (Диофант) поневоле принял битву и обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми”*, – говорится в декре-

те. Не успел Диофант вернуться в Понт, как скифы вновь захватили Керкенииду, Стены и Прекрасную Гавань. Диофант вернулся и отвоевал эти пункты. А затем он двинулся на скифские города Неаполь и Хавеи и, как сказано в декрете, полностью их уничтожил. Однако археологические исследования опровергают это. Удар не был сокрушительным, и скифы скоро оправались от него. Были отремонтированы стены, поврежденные стенобитными орудиями. Скифы восстановили свои владения в Крыму и в I в. н.э. снова осадили Херсонес. Поражение им было нанесено римским полководцем Плавтием Сильваном, но сам Херсонес после этого вынужден был подчиниться Риму. Во II в. н.э. на месте одного из скифских укреплений в юго-западной части Крыма появился пункт размещения римского легиона. Военные действия между скифами и Херсонесом прекратились.

С переменным успехом решались конфликты между скифами и Боспорским царством. Города этого царства играли огромную роль в торговле скифов. Индивидуальные изделия и предметы массового импорта (амфоры, столовая посуда, черепица) боспорского производства постоянно встречаются среди материалов скифских археологических памятниках. Во II в. до н.э., при царе Скилуре, когда скифское царство было мощным, скифы вынудили боспорских царей выплачивать им дань. В середине I в. н.э. они терпят поражение от боспорского царя. Во II в. н.э. произошел ряд войн между скифами и Боспорским царством, но каждую из них проигрывали скифы. Скифское государство было ослаблено.

Иначе складывались отношения с Ольвией. Этот город не имел мощных союзников и стоял один на один со скифами. Военных действий между ними не было. Скифы сами были заинтересованы в торговле с Ольвией, в которой видели связующее звено с материковой Грецией. В Ольвии некоторые скифские цари чеканили свои монеты, впрочем, не имевшие какого-либо экономического значения и лишь говорившие о престиже того или иного царя. Ольвия оставалась свободным государством, но находилась в зависимости от скифов, которым временами даже вынуждена была платить дань. Декрет в честь Протогена, обнаруженный в Ольвии, рассказывает о важном событии в истории этого города-государства.

Когда царь Сайтафарн подошел к Ольвии за данью, ольвийская казна была пуста. Скифский царь в ожидании остановился со своими воинами под Ольвией, грозя ей нападением. Тогда богатый купец Протоген заплатил эту дань своими деньгами, за что и был удостоен увековечивания своего имени в каменном декрете. Правда, необходимо

отметить, что некоторые исследователи полагают, что Сайтафарн был не скифским, а сарматским царем.

Западными соседями Ольвии были геты, которые тоже часто ее тревожили. В I в. до н.э. они захватили город и полностью его уничтожили. Скифы не смогли оказать Ольвии помощь, но высказали желание восстановить город. Ольвия была возрождена. Однако это был уже небольшой полуварварский город. Во II в. н.э. в Ольвии располагался римский гарнизон.

Сложными были отношения скифов с сарматами, которые стали проникать и в Крым. Временами сарматы одерживали верх, о чем свидетельствует захоронение знатного сарматского воина на территории Неаполя Скифского. Временами между этими соседними народами заключались союзы, например, так произошло во время походов Диофанта. Усилившаяся сарматизация местного населения говорит и о мирных отношениях с сарматами. Ко II в. н.э. скифы были ослаблены, в Крыму появились римские крепости. Центры внешней торговли оказались в руках Рима. Но, судя по раскопкам, жизнь в скифских городах продолжалась. И только в середине III в. н.э., когда над этими территориями пронеслось нашествие готов, многие скифские города были полностью или частично разрушены. Часть скифов переселилась на юго-западное побережье Крыма, в горы. Окончательный удар был нанесен в IV в. н.э. нашествием гуннов, после этого удара жизнь в скифских поселениях прекратилась, а сами скифы исчезли с мировой арены, растворившись в массе соседних племен.

Археологические памятники. Неаполь Скифский (город и некрополь). В связи с тем, что кочевой образ жизни скифов сменялся оседлым, в позднем царстве появилось большое количество скифских поселений. В Крыму возникли четыре города, более 20 укрепленных поселений и не менее 50 селищ. Все они находились в предгорье и на западном побережье. В степной части Крыма поселения отсутствовали. Вторая серия укрепленных поселений открыта исследователями на берегах Днепра. Эти две большие зоны оседлости были разделены кочевым миром степного Крыма и степей, прилегающих к Днепру. Можно говорить о существовавших здесь двух локальных вариантов единой скифской культуры, причем общность этих вариантов преобладала над их локальными различиями.

Для архитектуры скифских городов было характерно строительство стен из рваных камней, державшихся на глиняном растворе. Оборонительные сооружения иногда имели круглые или квад-

ратные башни. В одном случае отмечен каменный мост, перекинутый через ров. В целом же оборонительные стены по своей надежности не уступали греческим, сложенным из обтесанных камней. Позже мы остановимся на жилищах и других городских сооружениях на примере Неаполя Скифского.

Для погребального обряда скифов этого периода характерна постепенная замена курганов грунтовыми могильниками. Сначала по-прежнему существовали только курганы, которые насыпались как над индивидуальными могилами, так и над коллективными, в которых обнаруживалось от 20 до 173 погребенных. Позже курганы бытовали наряду с грунтовыми погребениями, а со II в. н.э. отмечены только последние. По мнению ряда исследователей, такая перемена была связана и с переходом к оседлости, и с возросшей ценностью пахотной земли: грунтовые могильники обеспечивали максимальное число могил на небольшой площади вблизи поселений. По сравнению с предыдущим периодом в могилах, даже самых богатых, встречается значительно меньше оружия и золотых изделий. Конские захоронения единичны. Погребальные сооружения в грунтовых могильниках разнообразны. Появляются каменные и земляные склепы. В некоторых случаях преобладают простые ямы. Часто встречаются подбойные могилы, которые сочетаются с земляными склепами, входы в склепы закрывались каменной плитой.

Столицей поздних скифов был Неаполь Скифский. Раскопано лишь около двадцатой части его площади, но и этот материал позволяет дать достаточно обстоятельную характеристику памятнику. Первые находки относятся к 1827 г., когда в руки археологов попали перекупленные у местного населения, бравшего здесь камни на строительство, плита с рельефным изображением всадника и три надписи, в которых упоминается Скилур. Возникло предположение, что городище было остатками скифской столицы Неаполя. Затем здесь нашли плиту с двумя всадниками, которые позже были отождествлены с Скилуrom и Палаком (рис. 8, 2). Первые археологические раскопки произведены П.Н. Шульцем в 1945–1963 гг. Исследовалось само городище и его некрополь: мавзолей, склепы, грунтовые могилы. Потом раскопки были продолжены украинскими исследователями.

Город располагался на высоком мысу, возвышавшемся над окружающей местностью, и имел подтреугольную форму. С двух наиболее легко доступных сторон он был окружен стенами, особенно мощная оборонительная система перерезала мыс. Огражденная площадь достигала 20 га. На территории города возвышались два зольника высотой до 5 м и диаметром до 125 м – их возникновение

скорее всего было связано с культом домашнего очага. В городе имелся акрополь, но ученые пока еще не приступили к его раскопкам. Люди жили и за пределами оборонительных стен: здесь обнаружены культовое и жилые здания, зерновые ямы, зольник. Предполагается, что город возник на рубеже III–II вв. до н.э. Сюда с Нижнего Днепра был перенесен центр скифского государства. Уже при царе Скилуре он несомненно был столицей скифов.

Оборонительные сооружения имели несколько строительных периодов и представляли собой мощную систему, сложенную из бутового камня и способную выдержать длительную осаду. При каждом новом строительстве стены делались толще. На мысу находились центральные ворота, сохранился пяточный камень с круглым отверстием для стояка самих ворот. По краям ворот возвышались пилоны (фото 6, 1). Перед основной стеной, толщина которой местами доходила до 5,40 м, была сооружена вторая, не столь мощная. Если враг разрушал ее стенобитными орудиями, то его воины оказывались в узком пространстве между стенами, и их можно было легко уничтожить. Сверху стена дополнялась сырцово-кирпичной кладкой, завершавшейся зубцами, за которыми могли прятаться лучники. Общая ширина двух стен и пространства между ними достигала 12,5 м. Высота нижнего, каменного, яруса стены достигала 5 м, высота верхнего, сырцового, яруса – 4 м. Таким образом, общая высота стены достигала 9 м. Около стены сохранились кучи небольших камней – гольшей, которые использовались как метательные снаряды. Рядом с воротами был построен мавзолей с царскими погребениями.

На главной площади, вымощенной известняковой крошкой, перед воротами находились различные общественные сооружения. Здесь были найдены постаменты от статуй, мелкие бронзовые и мраморные остатки этих статуй. Видимо, тут же были обнаружены и плиты с рельефными изображениями и надписями на греческом языке. На площадь выходили парадные здания с портиками и колоннами. Прямоугольные колонны завершались дорическими капителями. Здесь раскопаны остатки храма – мегарона, выстроенного по греческим архитектурным канонам. Судя по найденному мраморному постаменту с греческой надписью, при въезде в город стояла конная статуя царя Скилура.

У самых ворот было сосредоточено основное богатство города – зернохранилище. Зерно помещалось в грушевидных зерновых ямах, вход в каждую из них прикрывали камнем и замазывали глиной. Глубина ям колебалась от 1,5 до 3,5 м. Это было государственное хранилище зерна. Всего уцелели остатки 200 ям, относящихся к различным

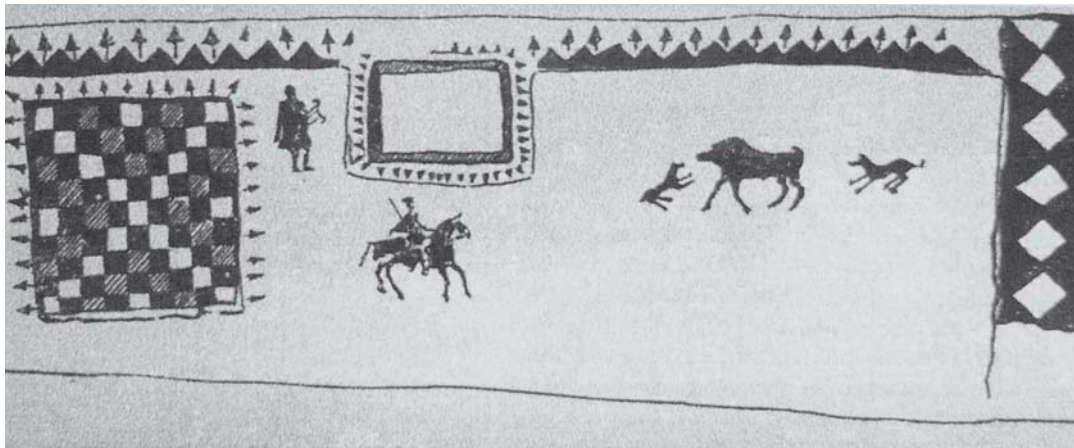
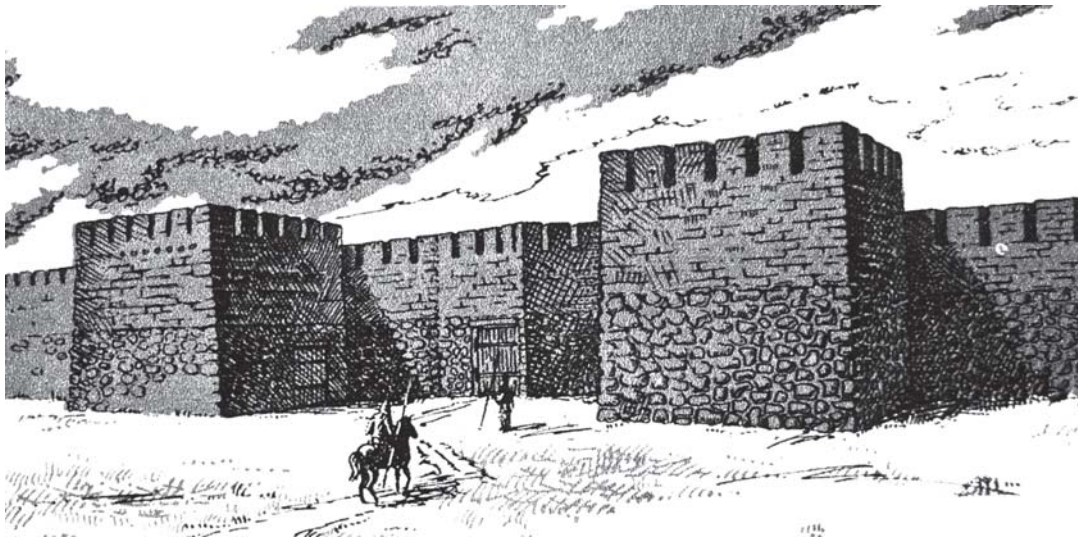

Фото 6. Неаполь Скифский.

1 – реконструкция оборонительной стены III строительного периода. Вид с юга; 2 – роспись склепа № 9 (по: *Высотская Т.Н.* Неаполь Скифский – столица поздних скифов. – Киев, 1979).

периодам жизни города. В период расцвета одновременно функционировало около 70 ям и в них хранилось примерно 2000–2150 т зерна. Позже, в период упадка, многие ямы были заброшены.

В городе раскопана серия жилищ. Они были каменными и состояли из двух-трех комнат. В некоторых случаях стены сверху были достроены сырцовым кирпичом. Один из раскопанных домов имел подвал. Крыши покрывались черепицей, ввезенной из греческих городов. Обращает на себя внимание одно парадное помещение, покрытое изнутри красочной росписью по штукатурке. Имелись землянки, вырубленные в скальном известняковом грунте, и юрты – зимники, диаметром около 2 м, обложенные у основания каменными плитами. Одно из помещений имеет диаметр 1,80 м, видимо, это был хлев для свиньи.

Некрополь Неаполя отличался разнообразием типов погребальных сооружений, что определенно соответствует социальной стратификации общества. Наиболее ярким сооружением некрополя является мавзолей. Он был построен в конце II в. до н.э. и служил в течение трехсот лет усыпальницей для членов царского рода, их семей и слуг. Мавзолей располагался у центральных ворот, снаружи оборонительной стены, примыкая к ней одной стороной, и имел почти квадратную форму (8,65 × 8,10 м). Его стены на высоту до трех метров были сложены из известняка на глиняном растворе, а выше – из сырцовых кирпичей, которые обрушились внутрь мавзолея, сохранив погребения до наших дней. Наружные стены были облицованы каменными плитами, пол утрамбован и посыпан белой известняковой крошкой. Дверь в

мавзолеем была деревянной. Вначале стены мавзолея были открытыми с трех сторон, позже они были укреплены мощным каменным панцирем, дверь – заложена. Новый вход шел по каменной лестнице, ведущей из мавзолея на городскую стену. Всего здесь было выявлено 72 погребения и несколько захоронений коней. Покойников в деревянных ящиках клали рядами друг на друга.

Наиболее интересными оказались два погребения. Одно из них предположительно связывается с царем Скилуром. Это была большая прямоугольная гробница, сложенная из хорошо отесанных камней и перекрытая тремя плитами. Она была опущена в скальный грунт на глубину около 1 м. Скелет крупного мужчины лежал на спине головой на запад. В ногах найдены железные копья со следами позолоты на втулках, меч с серебряной рукоятью и железный шлем, второй меч лежал у бедра. Кожаный пояс украшали железные пластины и бронзовые пряжки. На поясе висел колчан, украшенный треугольной золотой пластиной. Одежда воина заткана золотым шитьем (нитки сохранились достаточно хорошо) и украшена множеством разнообразных золотых бляшек. Бляшки были нашиты и на головной убор, видимо, войлочный. Всего с погребенным было найдено свыше 800 изделий скифской и греческой работы. М.М. Герасимов создал реконструкцию внешнего вида погребенного. И, удивительное дело, он оказался исключительно похожим на царя Скилура, чей прекрасно выполненный портрет найден на раскопках Неаполя Скифского, а профиль хорошо известен по монетам. Датировка погребения также совпадает со временем Скилура. Но никаких надписей, указывающих, что погребенный был Скилуром, не найдено. Поэтому отождествление погребенного с этим известным скифским царем остается предположением.

Второе погребение принадлежало “царице” и датируется в пределах I в. до н.э.–I в. н.э. Могила была частично ограблена, до нас дошли лишь отдельные золотые предметы. Но самое главное в ней – деревянный саркофаг, он сохранился достаточно хорошо. Деревянные доски истлели полностью, но в глине, заполнившей мавзолеем, сохранились на их местах пустоты, к их стенкам прилипла краска, которой был окрашен саркофаг. Эти пустоты при раскопках были залиты гипсом, к нему пристала краска. Так получили копии досок саркофага, и по ним была произведена его реставрация. Саркофаг был изготовлен из кипариса и покрыт позолотой, голубой и розовой красками. Его украшали резные фигуры сфинксов, грифонов и львов, стенки были покрыты гирляндами из цветов, перевитых лентами.

В других захоронениях найдены мечи, уздечные наборы, бронзовые зеркала, браслеты на руках и ногах, деревянные гребни, золотые перстни и огромное количество разнообразных бус, каменных и стеклянных. На лицо покойников накладывались золотые пластины в форме глаз и губ. Они должны были предохранять от воздействия злых сил. В ногах и головах ставились сосуды для вина и чашки с жертвенной пищей – бараниной и кониной. Одежда украшалась золотыми бляшками и бисерным шитьем. Самые верхние погребения с бедным инвентарем или совсем без него датируются I–II вв. н.э.

На склоне памятника находились каменные склепы, вырубленные в известняковой толще. В каждый из них вел небольшой коридор. Вход в склеп закладывался каменной плитой. В стенах подпрямоугольной камеры вырубались ниши, в которых должны были находиться жертвоприношения. Все обнаруженные склепы были ограблены еще в древности. Судя по сохранившемуся инвентарю и оформлению, в них были погребены представители скифской знати. В каждом находились останки нескольких, иногда до 30 человек. В некоторых склепах сохранилась древняя роспись.

Самая замечательная роспись представлена в одном из склепов. Стены его сверху были украшены красочной орнаментальной полосой из треугольников с красными стрелами и зигзагов. Вертикальные пилястры (рельефные столбики) расписаны ромбами. Ниши орнаментированы под жилища. Одна из них представляет собой жилище с двускатной крышей и двумя головами коней со стрелой на ее вершине. Вторая ниша изображает скифскую юрту с каркасом, сплетенным из ветвей, и входом – лесенкой. На ее верхушке тоже изображены две конские головы и стрела между ними. На стене против входа развернуты сцены из жизни погребенного (см. фото 6, 2). Слева нарисован ковер с шахматным узором из красных, желтых и черных квадратиков. Он обрамлен красными стрелами. Около него стоит бородатый скиф в высокой шапке, сапогах и широкополом кафтане с откидными рукавами. Он играет на греческой лире. В центре композиции изображен скиф на охоте. Он сидит с копьём в руке на тонконогом коне. Перед ним две собаки набрасываются на раненого дикого кабана. Роспись явно выполнена художником-профессионалом. Она отличается художественностью и реализмом. Изображения в других склепах наивны и часто беспомощны в техническом отношении.

Следующая группа погребальных сооружений – земляные склепы. Они выкапывались в твердом глинистом грунте. Вход в них также за-

кладывался каменными плитами. Здесь, видимо, были погребены представители средних слоев населения. Земляные склепы, как и каменные, были коллективными захоронениями. Бедный люд хоронили в простых могилах, как правило, подбойных, содержащих по одному скелету. И находились земляные могилы подальше от города, они не были разграблены. В головах и ногах погребенного обычно ставили сосуд с жертвенной пищей, украшений было мало, и они были простыми, предметы вооружения – единичны. В двух случаях встречены квадратные ямы с ярусными коллективными захоронениями.

Помимо скифских погребений в некрополе Неаполя Скифского встречены отдельные сарматские погребения. Типично сарматские погребения немногочисленны, значительно чаще встречаются погребения со смешанными чертами, свидетельствующие о том, что, проникнув в Неаполь, сарматы растворились в массе скифского населения. К концу существования Неаполя относятся сарматские (аланские) погребения дружинников с их конями на территории самого города, на площади перед центральными городскими воротами. Речь идет о вырубленной в скале могиле аланского военачальника. С ним найдены железный меч, железный уздечный набор с удилами, налобником и круглыми бляхами, амфора, крупные халцедоновые бусы и большие бронзовые бляхи от конского набора, украшенные золотой фольгой. Рядом с военачальником обнаружены кони и детская могила с золотыми вещами. Сам факт существования сарматской могилы на территории города свидетельствует о том, что Неаполь в это время переживал состояние упадка.

Все эти находки позволяют говорить о трех волнах сарматского проникновения в среду населения Неаполя Скифского. Первая волна датируется II–I вв. до н.э., когда появившееся здесь сарматское население растворилось в скифской среде. Вторая волна относится к концу I в. н.э. В Неаполь проникает большое количество боспорских сарматов, испытавших на себе значительное греческое влияние. Третья сарматская волна датируется III в. н.э., она связана с появлением здесь аланов.

В целом изучение Неаполя Скифского раскрывает картину жизни города, просуществовавшего около 600 лет. Его наивысший расцвет падает на II и I вв. до н.э. и совпадает со временем расцвета позднего скифского государства, когда скифы ведут активные военные действия против Херсонеса и закрепляются на западном побережье Крыма. Со II в. н.э. четко прослеживается упадок города. Сокращается число действующих зерно-

вых ям в городском зернохранилище, отмечено аланское погребение на городской площади. Сокрушительный удар городу нанесли готы в III в. н.э. Опустели многие жилища, но жизнь в Неаполе все-таки продолжалась. Окончательный и последний удар был нанесен городу гуннами. И Неаполь Скифский прекратил свое существование.

Изменения в экономике и общественном строе.

Экономика скифов в эпоху позднего царства значительно отличалась от экономики предшествующего периода. Резко возросла роль земледелия – об этом свидетельствуют письменные источники, это подтверждается появлением большого числа поселений, наличием огромного зернохранилища в Неаполе Скифском. В период расцвета в нем хранилось до 2000 т зерна. Помимо государственного хранения зерна, предназначенного на продажу, на семена и на потребление, в Неаполе имелись частные ямы, амбары и т. д. Сеяли здесь пшеницу, ячмень, просо, лук, чеснок и др. Плуг по-прежнему был деревянным. Железной мотыгой обрабатывали огороды. Для получения муки, наряду с обычными зернотерками, у скифов появляются ручные мельницы античного типа, а позже – жернова с отверстием для деревянной рукояти. Интересно отметить, что на скифских монетах с профилем царя изображают колосья, что говорит о большом экономическом значении земледелия. Некоторые исследователи на основании этого полагают, что хлебная торговля находилась в руках царя. Находки виноградной лозы свидетельствуют о заимствовании скифами этой культуры у греков.

Скотоводство по-прежнему играло большую, но уже не ведущую роль. Заготовка сена отсутствовала. Скот зимой занимался тебеневкой – лошади копытами добывали сухую траву из-под снега. По описанию Страбона, приазовские скифы на зиму уходили к рекам, где сохранялась высокая и сочная трава. Степной Крым и степи Приднепровья были зонами кочевания. Богатые скифы могли периодически жить в городах, бедные, скорее всего, кочевали в перевозных юртах. Судя по костным останкам и изображениям в склепах Неаполя Скифского, как и прежде, существовали кони двух пород. Преобладали, особенно у простолюдинов, приземистые малорослые лошади, а стройные тонконогие кони принадлежали знати. Свины встречались редко, зато найдены кости одного верблюда. Распространенной пищей была баранина. Охота считалась занятием знати, о чем говорит сцена травли кабана, изображенная в склепе Неаполя Скифского. В этом же склепе были найдены и сами кости этого животного. Собаки, как правило, использовались на охоте, но чаще они были

сторожами, причем не только живых, но и мертвых: над заложной дверью мавзолея был найден скелет собаки. Значительно чаще, чем раньше, стала употребляться в пищу рыба.

Ремесленное производство сохранялось в основном таким, каким оно было в предшествующий период. Лили бронзу, делали железные изделия. Шире стала употребляться закалка ножей, мечей и других предметов. Одна из находок рассказывает о том, как происходила закалка. Железные вещи складывали в горшок с углями и мелкими обломками костей, усиливавших активность реакции, и, наглухо закрыв горшок, помещали его в сильный огонь. Затем изделия окончательно обрабатывались в специальном горне. По-прежнему преобладала лепная керамика, гончарный круг у скифов встречался редко. В хозяйстве широко употреблялась привозная гончарная керамика.

Успешно развивалась торговля. Экспорт хлеба шел через крымские греческие города. Однако это мало устраивало скифов, и они стремились взять торговлю полностью в свои руки. Это приводило к частым войнам с Херсонесом и кончилось появлением скифских поселений на западном побережье Крыма, на месте ранее существовавших греческих поселений. Обмен продолжал оставаться в основном натуральным. Монеты с именами скифских царей были единичны и не имели широкого хождения. Греческие и римские монеты также не были широко распространены.

Скифское общество было определенно классовым, его структура во многом продолжала оставаться характерной для кочевых обществ. Однако по сравнению с предшествующим периодом все же наблюдаются некоторые изменения. Усиливается значение большой семьи, что свойственно земледельческому обществу. Никаких свидетельств о минорате для этого времени нет. Некрополь Неаполя Скифского подтверждает наличие

по крайней мере пяти слоев населения. Это члены царского рода, погребенные в мавзолее, знать первого ранга (погребенные в каменных склепах), богатые люди меньшего значения (захоронения в земляных склепах), бедный люд (одиночные грунтовые могилы) и слуги, сопровождавшие богатых в загробный мир. Сохраняются даннические отношения. Определенную дань платили земледельцы. Страбон рассказывает, что скифы предоставляли во владение землю желающим заниматься земледелием и брали с них дань. Менее регулярной и не столь болезненной была дань в виде откупов и подарков, которую скифы периодически брали с греческих городов Северного Причерноморья – с Ольвии и Боспора. Четких свидетельств о существовании у скифов рабства нет. Если оно и существовало, то, как и у всех кочевников, не имело особого значения. В своей основе скифское общество продолжало оставаться военизированным, но вооружение несколько изменилось: в частности, появились длинные скифские мечи (рис. 9).

Определенные изменения происходили в организации государственной власти. Цари перестали быть выразителями интересов только кочевой аристократии. Они строили города, жили в них вместе со знатью, вели военные действия за выход к побережью для удобства торговли, обосновывали там укрепленные пункты. Предполагают, что цари могли иметь монополию в торговле хлебом. Хоронили царей уже не в открытой степи, а в коллективных семейных усыпальницах в столице.

Скифия оказалась первым государством, погибшим в результате начавшегося Великого переселения народов. Она погибла в IV в. н.э., и скифы исчезли с исторической арены, их города и поселения прекратили свое существование. Но вклад, внесенный скифами в дальнейшее историческое развитие народов, в общий культурный фонд, был чрезвычайно высок.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И КУЛЬТУРА СКИФОВ

Легенды и эпос. Благодаря наличию письменных и художественных источников мы знаем о мифологии и религии скифов больше, чем о других народах, их современниках. Источниками наших знаний прежде всего служат сведения Геродота, а также произведения ювелирного искусства, на которых запечатлены сцены из различных скифских сказаний. Геродот получил свои данные от греков Ольвии, скифского языка он сам не знал. Часть ювелирных изделий была выполнена скифами, но наиболее яркие (пектораль из Толстой могилы, чертомлыкская ваза, чаши и др.) были изготовлены греческими мастерами. Поэтому при анализе материала приходится учитывать, что мы узнаем о скифской идеологии через призму восприятия греков. Но поскольку скифы очень строго придерживались своих традиций (вспомним об историях Анахарсиса и Скила), мы вправе считать, что греческие изображения не шли вразрез с воззрениями скифов даже в тех случаях, когда были представлены сцены из греческих мифов. Они, видимо, вызвали у скифов аналогии из их устного народного творчества.

Одним из наиболее ярких примеров изделий, на которых изображены сцены из греческих мифов, являются четыре совершенно одинаковые золотые обкладки типичного скифского горита (колчана с луком и стрелами). Они были обнаружены в различных курганах, в том числе и в чертомлыкском. Все они были изготовлены в одной из боспорских мастерских. Изображены сцены, иллюстрирующие, наподобие современных комиксов, содержание мифа о Геракле, переодетом в женскую одежду, и об Одиссее, разоблачившем его. Нахождение нескольких одинаковых горитов явно свидетельствует о популярности у скифов этого мифа, точнее – его местного аналога. Скорее всего, Геракл в их представлении, как и в мифах о происхождении скифов, дублировался скифским героем Таргитаем.

Скифы, как и каждый народ, рассказывали легенды о своем происхождении. Мы не будем подробно останавливаться на этих мифах, так как

о них шла речь в главе о происхождении скифов. Укажем лишь на то, что первая легенда – о Таргитае, трех его сыновьях и упавших с неба предметах была наиболее “скифской”. Во второй легенде – о Геракле, обращает на себя внимание образ ехидны, сочетавший в себе черты змеи и женщины. Поскольку изображения такого существа встречаются на предметах торевтики, его можно связывать с воззрениями скифов. Возможно, что образ греческого героя Геракла перекликается с образом скифского героя Таргитаея. Последняя легенда – о приходе скифов из Азии, носит сугубо реалистический характер.

Дошедший до нас героический эпос отражает конкретные события из жизни скифов, связанные с военными действиями. Это прежде всего легенды о борьбе с киммерийцами, о походах в Переднюю Азию, о взаимоотношениях с Ассирией и персами. Даже сквозь весьма легендарный рассказ о войне вернувшихся на родину скифов с поколением, родившимся у скифских женщин от рабов, явно вырисовываются события, связанные с борьбой возвратившихся скифов с отпавшими из-под их власти местными племенами. Особенно много легенд должно было сложиться о героической освободительной борьбе с персами. Геродот сообщает некоторые из них. Явно сказаниями веет в сообщениях о переговорах Дария с Иданфирсом, о посылке даров в виде лягушки, мыши и птицы.

Очень многое мы узнаем из анализа предметов изобразительного искусства. Легенды о героях пели сказители, сопровождая пение игрой на музыкальных инструментах. Об этом рассказывает роспись склепа в Неаполе Скифском, на которой изображен скиф, играющий на лире. Видимо, он рассказывает о нарисованной ниже сцене охоты всадника на кабана. О существовании легенд, посвященных битвам скифов с мифическими грифонами, свидетельствуют изображения этой борьбы на головном уборе из Больших Близиц.

На чертомлыкской вазе, на знаменитой пекторали и на нескольких чашах из различных курганов представлены сцены из жизни скифов. Явно

это были не просто бытовые сцены, а эпизоды из не дошедших до нас скифских легенд. Трудно себе представить, что на золотом или серебряном предмете, помещенном в царскую гробницу, изображались обыденные сцены вырывания зуба, доения овцы, стреножения коней и т. д. Безусловно, это были эпизоды из известных скифам легенд, и при взгляде на эти сцены они вспоминали всю легенду. Ученые предлагают различные трактовки этих эпизодов. Так, в изображении лошадей и юношей на чертомлыкской вазе обычно видят сцены жертвоприношения коня. Предполагают, что человек, натягивающий лук, это сын Геракла – Скиф. К сожалению, мы не можем дать трактовку каждой из найденных сцен. Явно с какими-то легендами связаны неоднократно встречающиеся изображения женщины с ногами в виде змеи.

Религия скифов. Жречество. Скифская религия известна нам благодаря свидетельствам Геродота. Вот что он рассказывает: *“Богов они умилоствляют только таких: больше всего Гестию, кроме того Зевса и Гею, полагая, что Гея – жена Зевса, после них Аполлона и Афродиту Уранию и еще – Геракла и Ареса. Этих богов почитают все скифы. Скифы же, которых называют царскими, приносят также жертвы Посейдону. Гестия у скифов называется Табити, Зевс вполне правильно, по моему мнению, зовется Папай, Гея – Апи, Аполлон – Гойтосир, Афродита Урания – Аргимпаса, Посейдон – Тагимасад. У них не принято воздвигать ни изображений, ни алтарей никому из богов, кроме Ареса”* (Геродот, IV, 59).

Приведенные Геродотом греческие имена – аналогии скифским богам – дают нам возможность выяснить их функции. Табити, которую почитали больше остальных, как и Гестия, являлась богиней царского очага. Почитался также Папай, приравненный к Зевсу. Его жена Апи была, как и Гея, богиней земли, Аргимпаса (Афродита Урания, или небесная), видимо, была богиней любви и плодородия. Аполлон в греческой мифологии имел ряд функций, поэтому трудно сказать, какую из них имел аналогичный ему Гойтосир. Среди богов назван и Геракл. Судя по скифским легендам, он мог соответствовать в качестве божественного предка Таргитаю. Имя бога войны (греческого Ареса) Геродотом не названо. Интересно упоминание Посейдона – Тагимасада. Посейдон был у греков не только богом морей, но и покровителем коневодства. Поскольку у скифов морского флота не было, Тагимасада можно считать покровителем коней. При перечислении пантеона Геродотом не упомянута змееногая богиня, о которой он рассказывает в связи с легендой о происхождении скифов. Такая богиня-праматерь час-

то изображается на предметах утвари и на различных бляшках, что свидетельствует о ее большом почитании. Женское божество изображено и на ряде украшений, но конкретная связь каждого из них с определенной богиней весьма спорна.

Богам приносили жертвы домашними животными. Геродот пишет: *“...само жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Тот, кто совершает жертвоприношение, став позади животного и дернув за конец веревки, валит наземь. Когда же жертвенное животное падает, он взывает к богу, которому приносит жертву, и затем набрасывает на шею петлю и, вставив палку, закручивает и душит животное. Огня он не возжигает и не совершает ни предварительных обрядов, ни возлияний, а задушив жертву и содрав с нее шкуру, он приступает к варке мяса.*

Так как скифская земля совершенно безлесна, то для варки мяса придумано у них следующее: как только они сдерут шкуру с жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем кладут мясо в котлы... Если же у них под рукой нет котла, они кладут все мясо в желудки жертвенных животных и, подлив воды, поджигают кости. Кости горят прекрасно, а желудки легко вмещают мясо, очищенное от костей и таким образом бык варит сам себя, и остальные жертвенные животные – каждое варит само себя. Как только мясо сварилось, совершивший жертвоприношение, отрезав начатки мяса и внутренностей, бросает их на землю перед собой. В жертву они приносят всяких домашних животных и особенно лошадей” (Геродот, IV, 60, 61).

Особо почитали бога войны (Ареса – по-гречески). *“У всех у них по округам их областей устраиваются святилища Ареса вот таким способом: нагромождают связки хвороста... Наверху сделана ровная четырехугольная площадка, три ее ступени обрывистые, с одной же стороны она имеет доступ. Каждый год они наваливают сто пятьдесят повозок хвороста: ведь кучи хвороста всегда оседают от непогоды. Поверх этой кучи во всех округах водружен древний железный акинак, он и является изображением Ареса. Этому акинаку ежегодно приносят в жертву мелкий скот и лошадей; и вообще ему, в отличие от других богов, приносят сверх того еще такие жертвы. Сколько бы они ни захватили в плен врагов, одного мужа из каждой сотни они приносят в жертву, но не так, как скот, а иначе. Полив головы пленных вином, они закалывают людей над сосудом и затем, подняв его вверх на кучу хвороста, выливают кровь на акинак. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища делают следующее. Отрубая у всех людей правое плечо вместе с рукой, бросают их в воздух, и затем, совершив остальные жертвопри-*

ношения, они удаляются. Рука же лежит в том месте, куда упадет, труп отдельно” (Геродот, IV, 62).

Как указывалось в главе о ранних скифах, ряд исследователей связывает с этим культом Ульские курганы Прикубанья, считая, что они были сооружены не для погребений, а для жертвоприношений божеству. Но особенно четко прослеживается связь описания Геродота с расположенными там же Уляпскими курганами. Первоначально они представляли собой четырехгранную земляную насыпь с тремя вертикальными сторонами и одним пологим склоном, по которому можно было подняться на насыпь. При раскопках найдены кости расчлененных юношей, иногда перемешанные кости домашних животных и людей. Тут же стояли различные вещи, в том числе и золотые, видимо, сознательно поврежденные. Обращает на себя внимание скелет одного человека, у которого отсутствовала рука, ее кости вместе с предплечьем были найдены на другом краю платформы. Это полностью совпадает с описанием Геродота. Курганы датируются в пределах IV–начала III вв. до н.э. Они не были разграблены, но захоронения в них отсутствовали. Это и дало возможность исследователям отнести их не к погребальным сооружениям, а к святилищам, сохранившим остатки жертвоприношения людей, скота и вещей. Уляпские курганы находятся за пределами собственно Скифии, в земле меотов, культура которых, судя по всему известному материалу, относилась к культурам скифского типа. Видимо, у меотов и скифов имелось много общего в религиозных воззрениях. Близкие обычаи отмечены в средние века и у потомков сарматов – алан. Кинжал в качестве предмета культа был найден только один раз. Это был бронзовый кинжал V в. до н.э., найденный на западе Скифии, в Добрудже.

С культом бога войны, видимо, были связаны некоторые военные обычаи, зафиксированные в книге Геродота. “Скиф, убив первого врага, пьет его кровь. Сколько человек он убьет в битве – головы их он приносит царю. Если он принесет голову, то получит долю в добыче, которую захватят, если же не принесет – не получит. Кожу он сдирает с головы таким образом: сделав круговой надрез около ушей и схватив голову, вытряхивает череп, а затем, ребром быка очистив кожу от мяса, он разминает ее руками, а смягчив, пользуется ею как платом, продвигает ее в уздечку коня, на котором он ездит, и гордится этим. У кого кожаных платов больше всех, тот считается самым доблестным мужем. Многие из них делают с содранной кожи верхние плащи с тем, чтобы носить, шивая их, словно овчины. Многие, обдирая у вражеских трупов кожу с правых рук вместе с

ногтями, делают из нее обтяжку колчанов” (Геродот, IV, 64). Из черепов самых ненавистных врагов изготавливали чаши для вина. Как пишет Геродот, “...каждый, отпилив часть черепа ниже бровей, вычищает его. И если это бедный человек, то, обтянув череп снаружи только сырой бычьей кожей, он так им и пользуется. Если же это богатый человек, то он обтягивает череп сырой бычьей кожей, и, отделав золотом внутри, пользуется им как чашей... Один раз в году каждый начальник округа в своем округе наполняет вином кратер, из которого пьют скифы, убившие врагов. А те, кто этого не совершал, не вкушают этого вина, но, презираемые, сидят отдельно. Это у них величайшее бесчестие. А все те из них, кто убили многих мужей, имеют по два килика и пьют из обоих” (Геродот, IV, 65). Подобные обычаи не говорят об особой жестокости скифов, такие же обычаи были у многих воинственных народов в разные времена. С боевыми действиями связан и обряд братания скифских воинов: на многих бляшках изображены два скифа, пьющие из одного сосуда.

Из религиозных праздников скифов мы знаем только об одном – земледельческом. Он был связан с легендой об упавших с неба золотых предметах (пуг с ярмом и чаша). Это золото тщательно охранялось. Ежегодно ему устраивали большие жертвоприношения. “Кто на этом празднике, охраняя священное золото, уснет под открытым небом, тот не проживет и года. Поэтому ему дают столько земли, сколько он сможет объехать на коне за один день” (Геродот, IV, 7). Полагают, что такой обычай существовал у многих народов: на время праздника выдвигался специальный “царь”, ему воздавали почести, а затем его убивали. Можно предположить, что на праздниках совершались обрядовые пляски и состязания в честь богов. О них рассказывают многочисленные золотые бляшки, на которых изображены скифы, борющиеся, состязающиеся в стрельбе из лука, танцующие, играющие на музыкальных инструментах.

У скифов были жрецы-прорицатели. “Прорицателей у скифов много. Они прорицают с помощью большого числа ивовых прутьиков следующим образом: принося большие кучи прутьиков, они, положив их на землю, разъединяют и, раскладывая прутья по одному, вещают и, произнося прорицания, одновременно снова собирают прутья и опять по одному складывают их. У них это искусство прорицания, идущее от отцов” (Геродот, IV, 67). Гадали они и по липовой коре. Прорицатели назывались энареями, это были женоподобные мужчины. Искусство прорицания передавалось по наследству по мужской линии. Сам факт “женоподобности” прорицателей

вызывал большие споры с давних времен. Так, Псевдогиппократ полагал, что это было следствием верховой езды. Геродот считал, что это было результатом наказания, посланного скифам за разграбление святилища богини Афродиты Урании в Малой Азии.

М.И. Артамонов, а вслед за ним и другие исследователи считают, что скифские прорицатели были аналогичны тем шаманам северных народов, у которых в качестве пережитков эпохи матриархата, когда шаманские функции исполнялись женщинами, сохранились отдельные женские черты в одежде и манере поведения. При этом энареи, как и шаманы, имели свои семьи, имели детей. Некоторые ученые полагают, что безбородые скифы, изображенные на пекторали из Толстой могилы, как раз и являются энареями. В настоящее время археологическими исследованиями выяснено, что подобное явление существовало и у других народов скифо-сибирского круга. Об этом свидетельствуют погребения, в которых мужчин сопровождал женский инвентарь и отсутствовало вооружение.

Характеризуя в целом скифскую религию, можно уверенно отнести ее к числу индоиранских. В ней переплетаются зооморфные и антропоморфные представления о мире, что было характерно для многих древних обществ, причем процесс эволюции был направлен в сторону антропоморфного пантеона. Как и большинство религий доклассовых и раннеклассовых обществ, скифская религия относилась к политеистическим, т. е. почиталось множество божеств, из которых одно признавалось главным.

Во времена Геродота это была племенная религия с тенденцией к созданию национально-государственной религии. Выделяется общегосударственный пантеон высших богов, возглавляемый триадой Табити–Папай–Апи. Более всего скифы, по словам Геродота, почитали Табити (аналогичную греческой Гестии). Это почитание огня как священной стихии свойственно всем индоевропейским, а особенно индоиранским народам.

К предметам, имевшим у скифов культовое назначение, можно отнести скипетры, навершия, жертвенные ножи, зеркала, курильницы, некоторые виды сосудов (котлы, ритоны, круглотелые кубки, чаши), головные уборы. Сакрально-магическое назначение нередко имели и такие категории погребального инвентаря, как конская узда, оружие и др.

У скифов, подобно иным индоиранским народам, существовали жрецы, как обособленная прослойка общества. Социальное положение некото-

рых категорий жрецов было довольно высоким. Таковы, например, могущественные энареи – женоподобные жрецы Аргимпасы–Афродиты. Царь у скифов был сакральным главой общества, поэтому общественная роль культа царского очага как общего религиозного центра была очень велика.

Искусство скифов. Звериный стиль. Этот художественный стиль имел глубокое идеологическое содержание и декоративное назначение. Он был неотъемлемой частью повседневной жизни скифов, органично входя во все сферы их существования. Звериный стиль представлял собой определенный зооморфный код, заключавший в себе понятные скифам идеологические воззрения. Изображениями, выполненными в этом стиле, украшались предметы вооружения (кинжалы, их ножи, секиры, щиты), уздечные наборы, бляхи и т. д.

Набор животных в скифском зверином стиле был стабильным. Широкое распространение получили изображения кошачьих хищников – льва, тигра, пантеры (см. фото 1, 1). При этом они чаще всего давались в столь обобщенном виде, что трудно соотнести изображение с конкретным видом хищника. Реже встречаются фигуры волков и медведей. У хищников различными приемами подчеркивается мускулатура, символизируя необходимую для воина силу и ловкость.

Второе широко распространенное животное – олень (см. фото 1, 2). Он чаще всего изображался с подогнутыми ногами и вытянутой вперед головой. Реже олени стоят как бы на цыпочках. Изображения оленей должны были придать воину быстроту движений. Из других копытных надо отметить козла, барана и кабана. Довольно часты изображения птиц, среди которых предпочтение отдавалось хищным птицам, скорее всего орлу, обладателю зоркого глаза и мощного клюва.

Одной из черт звериного стиля является распространение фантастических образов, состоящих из вполне узнаваемых реальных черт различных животных. Имеются изображения грифонов с телом кошачьего хищника, головой и крыльями орла (рис. 10, 29, 30).

В скифском искусстве было принято изображать не только целые фигуры животных, но и их части, особенно головы. Часто встречаются профильные изображения голов хищника и орлов. У последнего особенно четко, а иногда даже утрированно изображаются глаз и клюв (рис. 10, 2, 3, 6). Есть такие бляхи, на которых клюв настолько загнут, что даже превращен в спираль. И изображения головы оленя иногда претерпевают такие изменения, что бывает трудно представить, что это голова именно оленя. От лошади подчас со-

храняется круп с двумя задними ногами, а иногда – только копыта. Встречаются сцены терзания, чаще всего хищник терзает поверженное копытное животное (рис. 10, 8, 32).

Еще одна особенность скифского искусства – почти полное отсутствие изображений людей. Исключениями можно считать змееногую богиню и одно изображение, возможно, бога Папая. Встречающиеся отдельные бляшки и предметы с изображениями людей обычно оказываются изготовленными греческими мастерами на скифский заказ (чертомлыкская ваза, гребень из кургана Солоха, кубки, бляшки и т. д.) (см. фото 3, 4, 5).

Звериный стиль у скифов в своем развитии прошел несколько этапов. Периодом его становления можно считать VII–VI вв. до н.э. Искусство скифов этого времени находилось под сильным влиянием художественных традиций Передней Азии, в первую очередь Ассирии. В этом ведущую роль сыграли непосредственные контакты скифов с населением Передней и Малой Азии во время их южных походов. В VII–V вв. до н.э., а иногда и позже, отмечается такая особенность, как “перегруженность” изображения деталями: когти, хвосты хищников и рога оленей могли оформляться в виде голов птиц и свернувшихся хищников. На свободных местах и теле животного помещались фигурки других зверей или их фрагменты. Ярким примером этого служит небольшая костяная головка орла или грифона, на которой имеются изображения еще пяти животных (см. рис. 10, 6, 6a). Позже, в V–IV вв. до н.э., эта черта встречается как сознательная архаизация, работа “под древность”. Так, на изображении оленя из Куль-Обы, относящегося к IV в. до н.э., художником помещены фигуры других животных (см. фото 2, 2).

В V–IV вв. до н.э. вырабатывается строгая стандартизация в изображениях зверей, сохраняется единая художественная традиция, характерная и для скифов, и для всего скифо-сибирского мира. Скифы Северного Причерноморья в это время имели тесные контакты с греками. Совершенно очевидно, что их искусство испытывает сильное греческое влияние. Отмечается появление изделий, выполненных греческими мастерами по скифскому заказу, они обычно встречаются в богатых “царских” погребениях. Это знаменитая чертомлыкская ваза, гребень из кургана Солоха, кубок из Куль-Обы и другие изделия, на которых имеются сцены в скифском зверином стиле и широко встречаются изображения людей. Чаще всего это именно сами скифы, но есть и сцены из греческих мифов, которые, видимо, находили у скифов отзвуки в их собственной мифологии. Пред-

полагается, что эти изделия изготавливались мастерами Боспорского царства. Наряду с этим, встречаются изделия, выполненные самими скифами.

Надо отметить, что предметы местного изготовления, выполненные в скифском зверином стиле, особенно часто встречаются в лесостепной полосе, которая была подчинена скифам и, возможно, входила в состав их государства, хотя собственно скифы, по мнению ряда исследователей, здесь не жили. Греческие изделия в лесостепной части встречаются реже, зато местных предметов, выполненных со всеми особенностями скифского звериного стиля, известно большое количество.

В III в. до н.э. звериный стиль в Скифии исчезает. Появляются антропоморфные изображения. Эти изменения происходят уже во время существования позднего скифского царства. Как уже рассказывалось выше, в склепе некрополя Неаполя Скифского, столицы этого государства, обнаружена роспись с изображениями скифа, играющего на лире, и скифа, охотящегося на кабана (см. фото 6, 2). Известны небольшие скульптуры скифов. То есть в местное искусство широко вошло изображение людей. Подобное резкое изменение в искусстве говорит о том, что поменялась идеология населения, что в свою очередь вызвано экономическими и политическими изменениями в обществе. Значительная часть скифов к этому времени переходит к земледелию, к оседлому образу жизни. Появляется новое скифское государство, небольшое по своим размерам, но зато более компактное, имеющее более организованную царскую власть. Все это не могло не отразиться на идеологии населения.

Хорошо была известна скифам и фресковая живопись. Об этом свидетельствует каменный склеп с высокохудожественной росписью, явно выполненной на заказ талантливым мастером, знакомым с греческими работами (подробно об этом склепе говорилось в главе о позднем этапе скифской истории). Некоторые склепы в том же некрополе украшены рисунками примитивными и схематичными, вероятно, они были выполнены непосредственными участниками похорон. Сохранились и фрагменты живописи на штукатурке из жилых домов. По мнению ряда исследователей, на скифскую живопись оказало определенное влияние греческое искусство Боспорского царства.

Скульптура и архитектура. В Скифии уже на самом раннем этапе появляются своеобразные памятники монументальной скульптуры. Они были известны с VII–VI по V–IV вв. до н.э. Это так называемые *каменные бабы*. Они представляют собой

изображения воина с оружием. Выполнены из монолитных каменных глыб или плит, которым придавали обобщенную форму человеческой фигуры, а резцом обозначали отдельные детали (рис. 11, 5, 6). Каменные изваяния устанавливались на курганах со скифскими захоронениями. Д.С. Раевский полагает, что эти изваяния изображали Таргитая – Геракла, который в скифской мифологии считался прародителем скифов и их первым царем.

К позднему скифскому периоду относятся плиты (возможно, надгробные) с рельефным изображением одного всадника или нескольких фигур. Рельефы могут иметь один – три яруса. Наибольшую известность получила плита, на которой, по мнению ряда исследователей, изображен на коне царь Палак. При раскопках территории Неаполя Скифского была обнаружена плита с прекрасно нарисованными фигурами двух всадников – царя Скилура и его сына Палака. Она выполнена под сильным греческим влиянием, а может быть, и самими греческими мастерами (см. рис. 8, 2). Из мелких памятников надо назвать бронзовую фигурку скачущего всадника. Мастерским изделием прикладного искусства признан деревянный саркофаг царицы из мавзолея Неаполя Скифского: саркофаг украшен скульптурными фигурами сфинксов, грифонов и рельефными изображениями цветочных гирлянд.

Раскопки скифских городищ позволяют говорить об особенностях скифской архитектуры. Это прежде всего широкое употребление каменной

кладки в сочетании с сырцовою. Таким способом сооружались оборонительные стены Каменского городища, мавзолей и ряд жилых домов Неаполя Скифского, нижняя половина которых была сложена из камня на глиняном растворе, а верхняя – из сырцового кирпича. Широко употреблялась кладка из рваного камня, в этом случае камни соединялись густым раствором глины. Типично местной особенностью выглядят употреблявшиеся иногда в углах постройки Г-образные камни. Судя по Неаполю Скифскому, в планировке общественных зданий скифов прослеживается греческое влияние: это постройки типа мегарона – вытянутого прямоугольного здания с портиком у входа. В строительстве жилых домов сохранялись местные традиции: тут встречаются постройки различных типов – от небольших полуземлянок до крупных каменных зданий с полуподвалом и стеной росписью по штукатурке.

Необходимо отметить, что у скифов не было своей письменности, которая обычно появляется у народа в период возникновения государственности. Как показали находки в Неаполе Скифском, в надписях и постановлениях той поры широко использовалась греческая письменность.

Столь развитая и многообразная скифская культура не могла полностью исчезнуть вместе с гибелью скифского государства, она оказала сильное влияние не только на соседей скифов, но и на народы, которые возникли на месте скифского государства после его гибели.

Список рекомендуемой литературы

- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. – СПб., 2003.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык – скифский царский курган IV в. до н.э. – Киев, 1991.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собраниях Государственного Эрмитажа. – Л.; Прага, 1966.
- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. – Л., 1974.
- Археология СССР.* Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Ч. 1. – М., 1989.
- Археология Украинской ССР.* Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. – Киев, 1986.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. – Киев, 1983.
- Брашинский И.Б.* В поисках скифских сокровищ. – Л., 1979.
- Высотская Т.Н.* Неаполь Скифский – столица поздних скифов. – Киев, 1979.
- Геродот.* История. В 9 т. / Перевод и прим. Г.А. Стратановского. – М., 1999.
- Граков Б.Н.* Каменское городище на Днестре. – М., 1954.
- Граков Б.Н.* Скифы. – М., 1971.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в “Истории” Геродота. – М., 1982.
- Золотые олени Евразии.* – СПб., 2003.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. – Киев, 1983.
- Искусство скифов.* Альбом. – Л., 1986.
- Кузьмина Е.Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев. Культурологические очерки. – М., 2002.
- Лесков А.М.* Новые сокровища курганов Украины. – Л., 1972.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. – Л., 1987.
- Мартынов А.И., Алексеев В.П.* История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово, 1986.
- Мировая художественная культура. Древний Египет. Скифский мир: Хрестоматия / Сост. И.А. Химик.* – СПб., 2004. – Ч. 2. Культура скифского мира.
- Мозолевский Б.Н.* Толстая Могила. – Киев, 1979.
- Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М., 1994.
- Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э. – М., 1985.
- Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. – М., 1979.
- Смирнов А.П.* Скифы. – М., 1966.
- Страбон.* География. – М., 1994.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. – Киев, 1976.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. – Киев, 1988.
- Фиалко Е., Болтрик Ю.* Нападение скифов на Трахтемировское городище. – Киев, 2003 (на укр. яз.).
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. – М., 1975.
- Черненко Е.В.* Скифо-персидская война. – Киев, 1984.
- Шульц П.Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. – М., 1951.
- Шульц П.Н.* Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. – М., 1971.

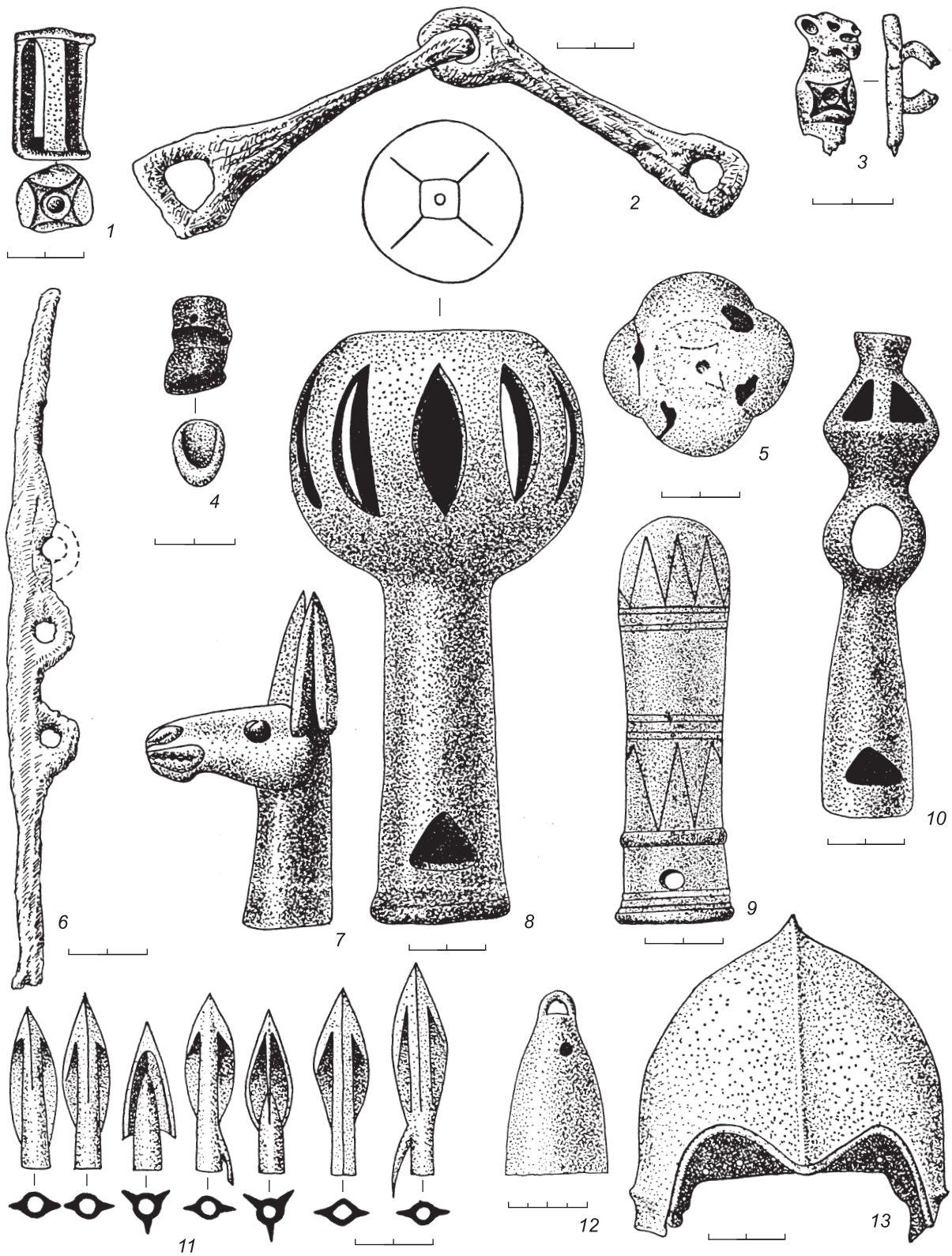

Рис. 1. Золотые, бронзовые и железные изделия из Келермесских курганов.

1, 3–5, 7–13 – бронза; 2, 6 – железо (по: Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. – Киев: Наук. думка, 1983; с. 70, рис. 14).

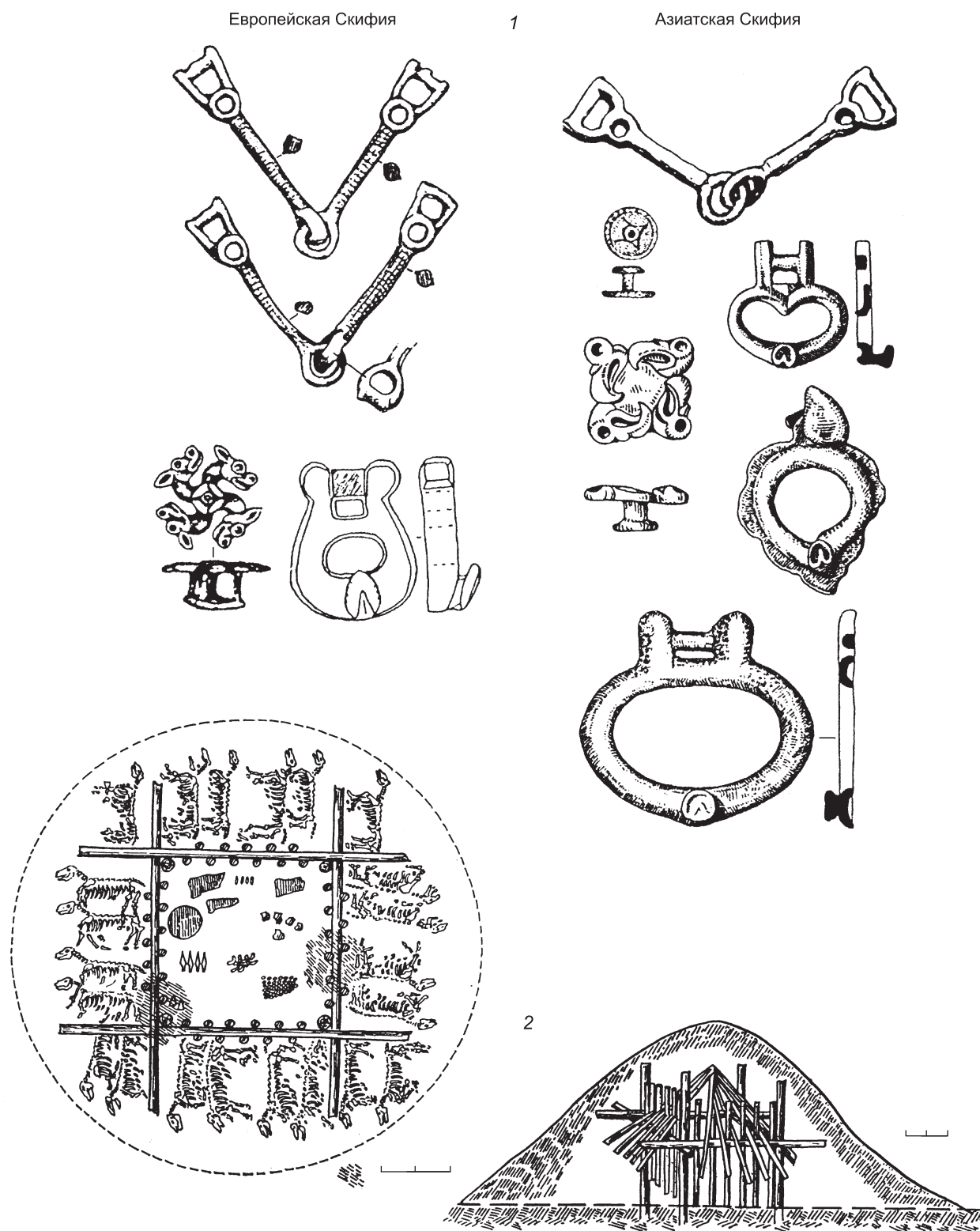

Рис. 2. Вещи раннескифского времени (1) (по: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003); план и разрез кургана у станции Костромской (2) (по: Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия...; с. 69, рис. 13).

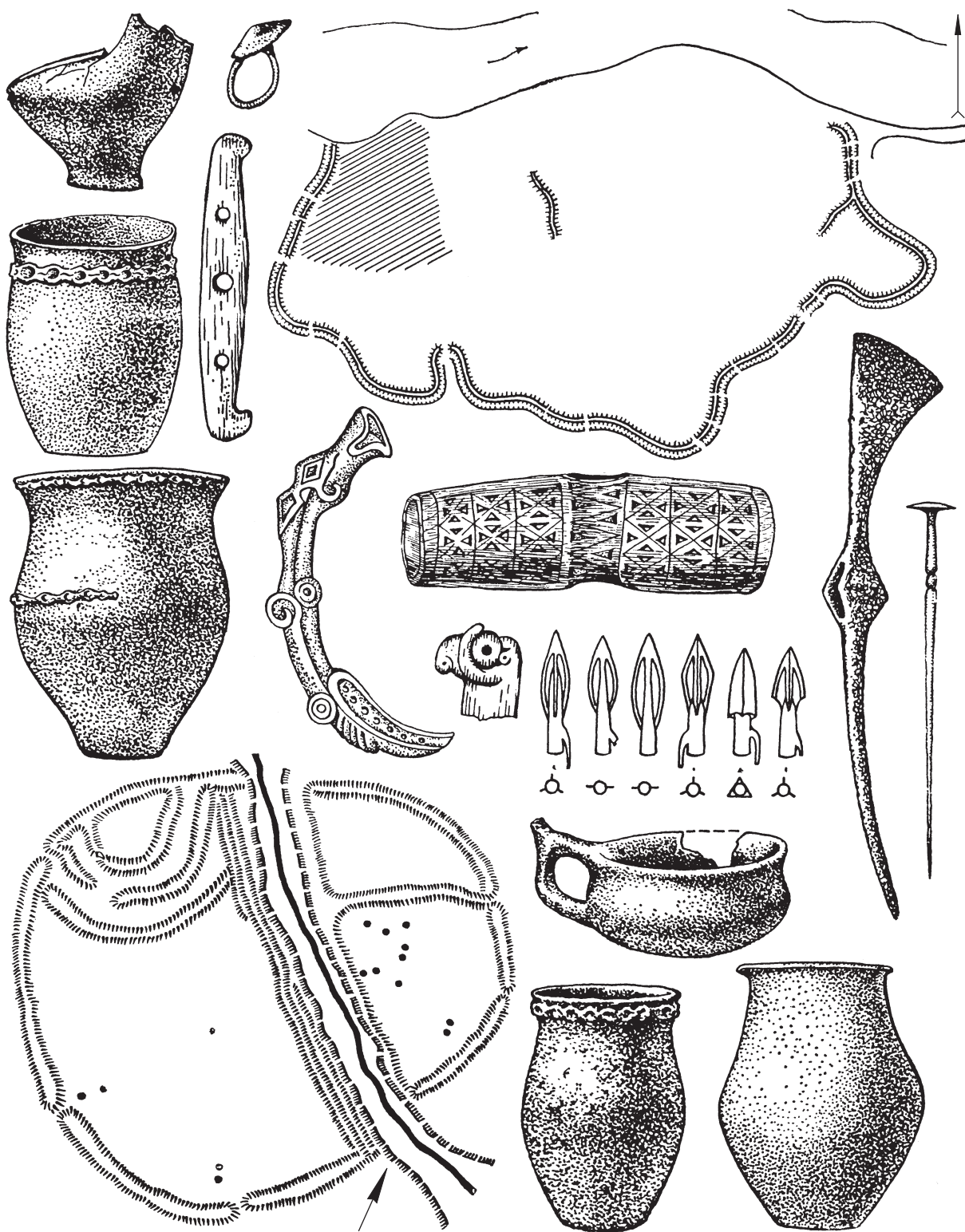

Рис. 3. План Трахтемировского городища и найденные на нем предметы (Поросье). План Пастырского городища и найденные на нем предметы (Тясмин) (по: Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия...; с. 269, рис. 36).

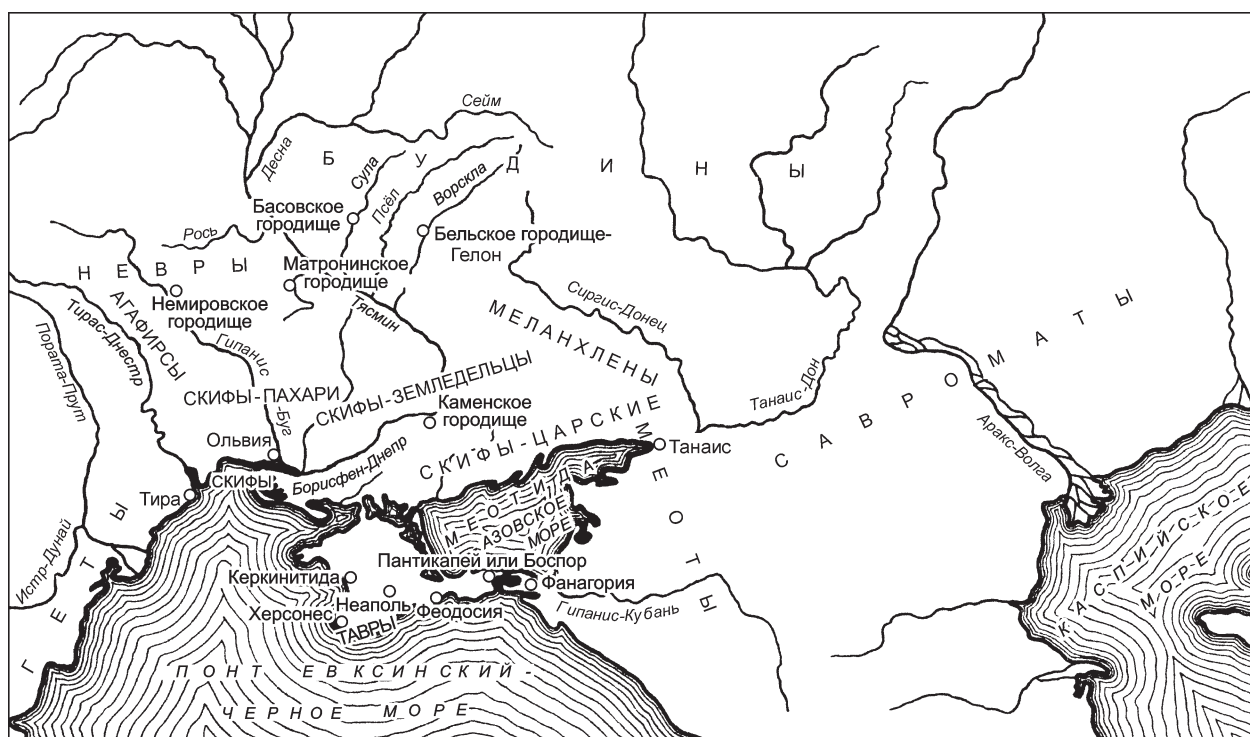

Рис. 4. Скифия и соседние племена с VII по II в. до н.э.
(по: Граков Б.Н. Скифы. – М.: Изд-во МГУ, 1971; с. 14).

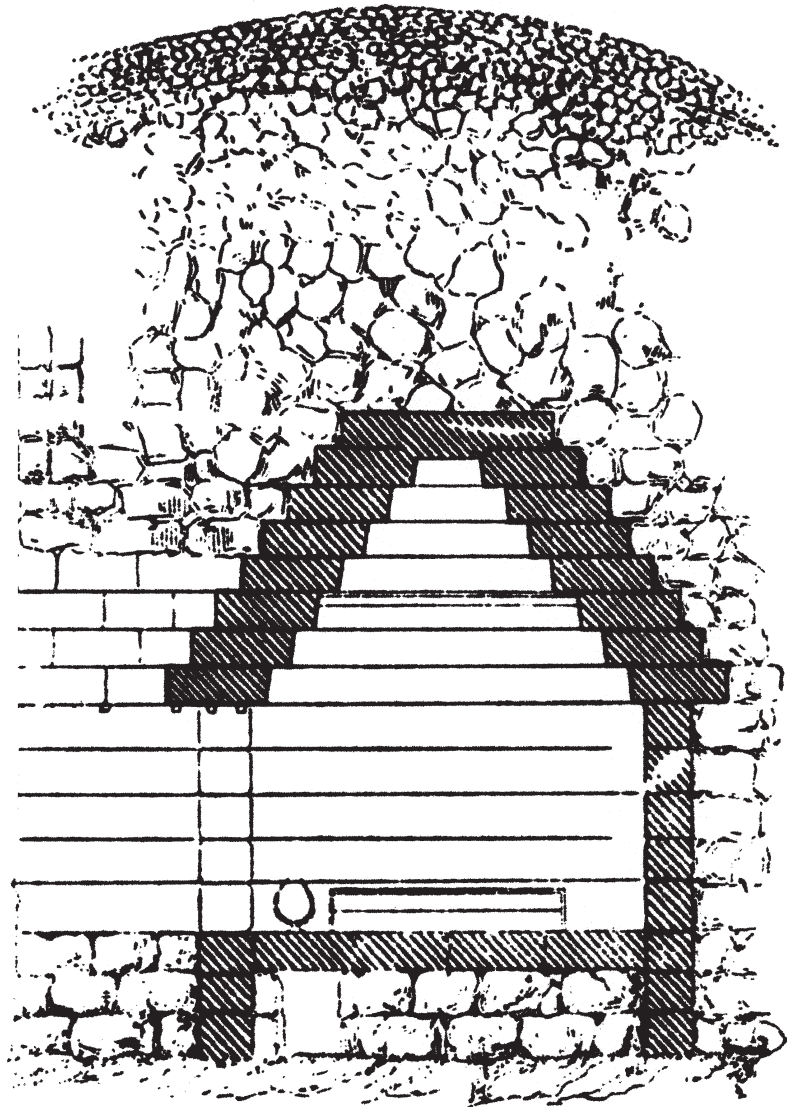
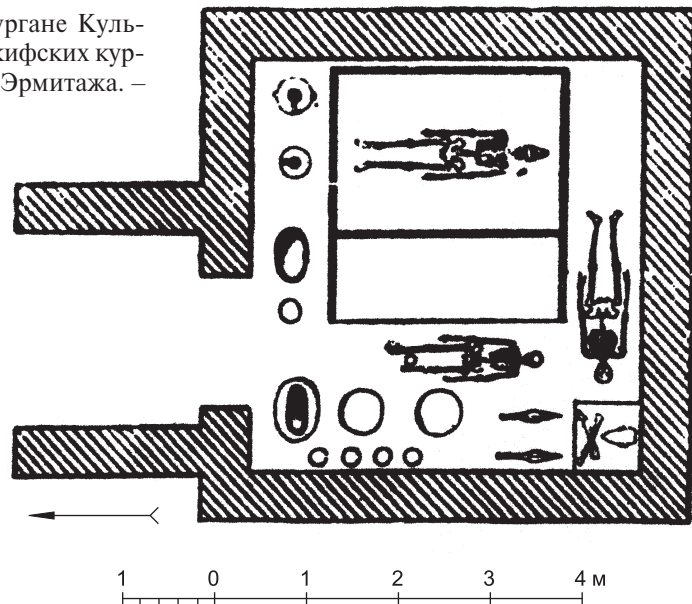

Рис. 5. План и разрез погребения в кургане Куль-Оба (по: Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собраниях Государственного Эрмитажа. – Л.; Прага, 1966; рис. XIV).

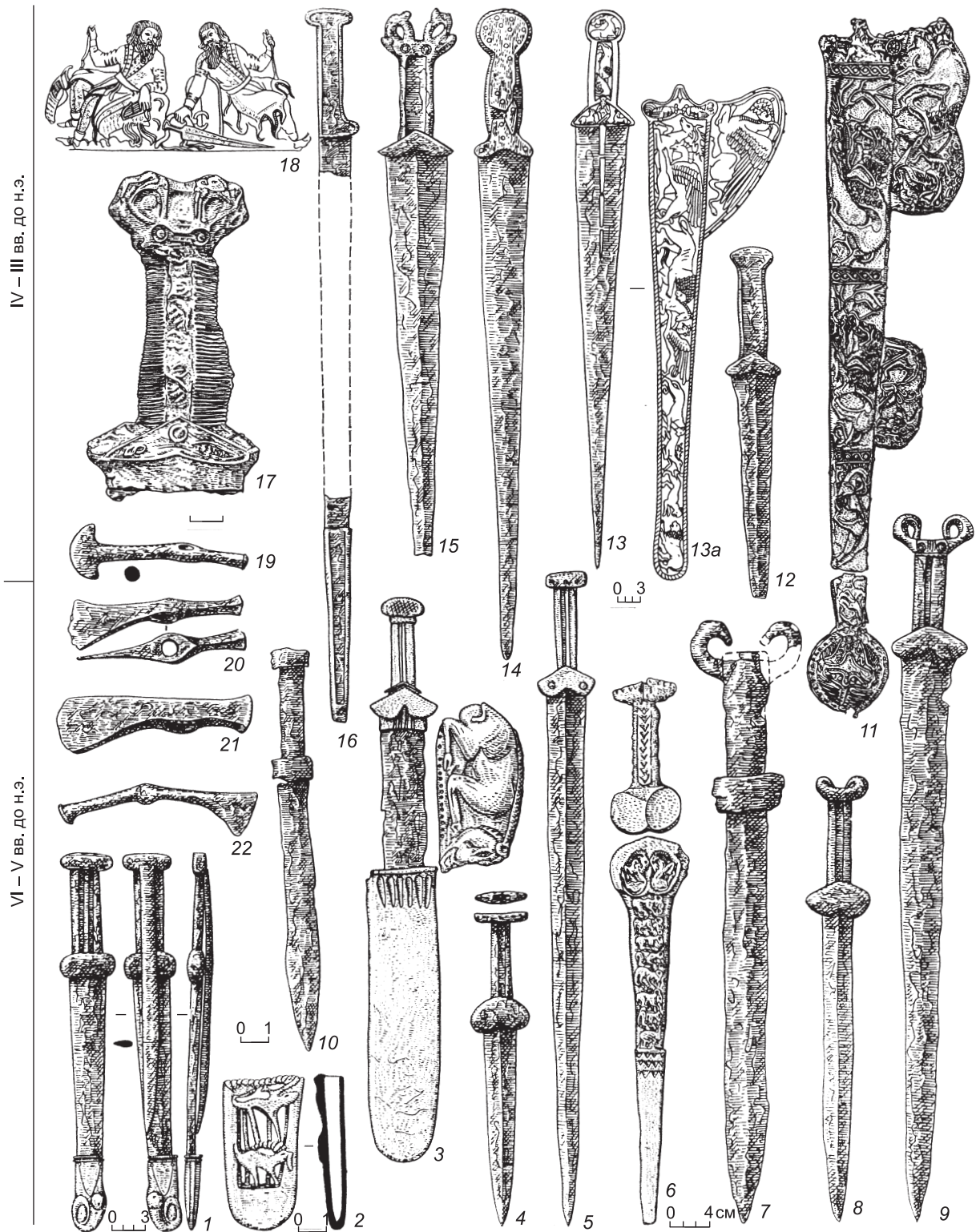

Рис. 6. Скифские мечи, ножны к ним, боевые топоры.

1 – Матусов, Репяховатая могила; 2 – Приднепровка; 3 – Александровка; 4 – Куриловка; 5 – Сухино; 6 – Шумейко; 7 – Новокиевка; 8 – из собрания Бобринского; 9 – Грищенцы; 10 – Верхнетарасовка; 11, 17 – Солоха; 12 – Дубенский уезд; 13, 13a – Толстая Могила; 14 – Макеевка; 15, 20 – Волковцы; 16 – Златополь; 18 – Гайманова Могила, изображение на сосуде; 19 – Талаевский курган; 21 – Старшая Могила; 22 – Журовка; 1 – железо, бронза; 2 – бронза; 3, 6, 16, 17 – железо с золотыми обкладками; 11, 13a – золото; остальные – железо (по: *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* – М.: Наука, 1989; с. 337, табл. 32).

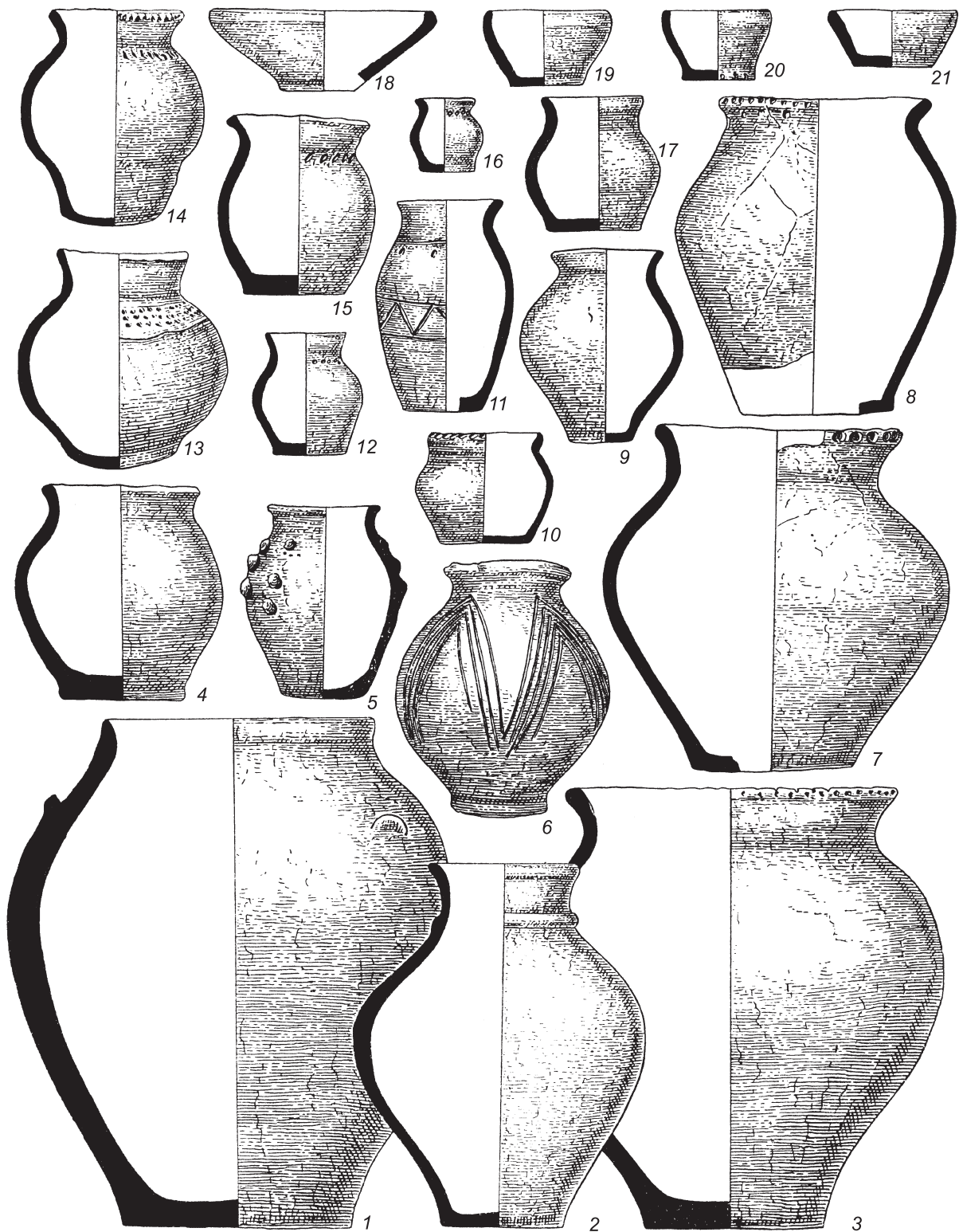

Рис. 7. Скифская керамика из погребений и поселений междуречья Дона–Дуная.

1 – Ковалевка; 2 – Вильнянка; 3 – Нижний Рогачик; 4, 6, 11, 13, 14 – Каменское городище; 5 – Каховский район; 7, 8 – Широкое II; 9, 10 – Луцарево; 12 – Балки; 15 – Кут; 16, 17 – Златополь; 18 – Михайловка; 19 – Широкое III; 20 – Любимовка; 21 – Шевченково (по: *Археология СССР. Стены...*; с. 321, табл. 16).

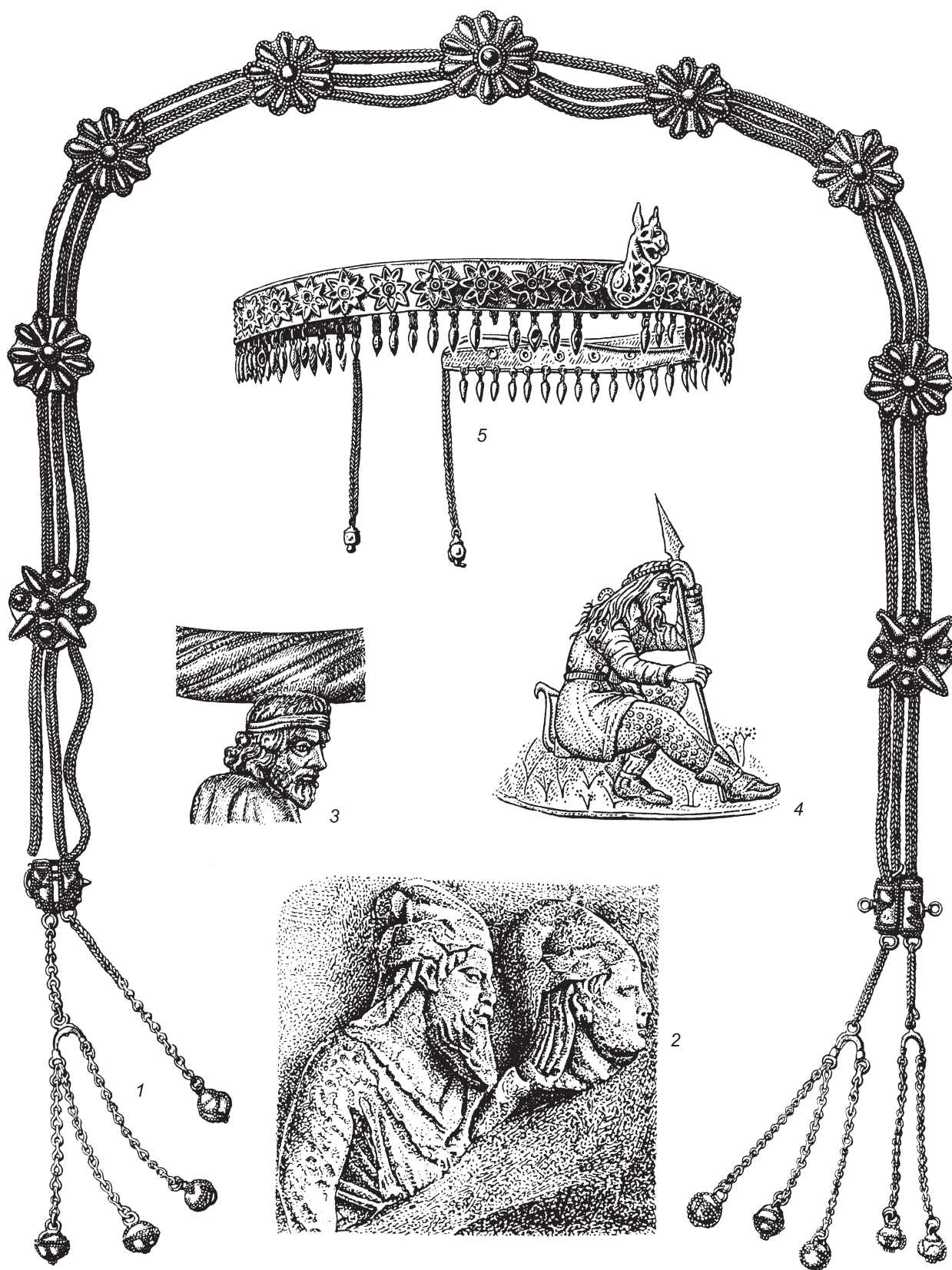

Рис. 8. Скифские головные уборы.

1 – Мельгуновский курган; 2 – на рельефе из Неаполя Скифского; 3 – на пекторали из Толстой Могилы; 4 – на сосуде из Куль-Обы; 5 – Келермес; 1, 3, 5 – золото; 2 – камень; 4 – электр (по: *Археология СССР. Степи...*; с. 348, табл. 44).

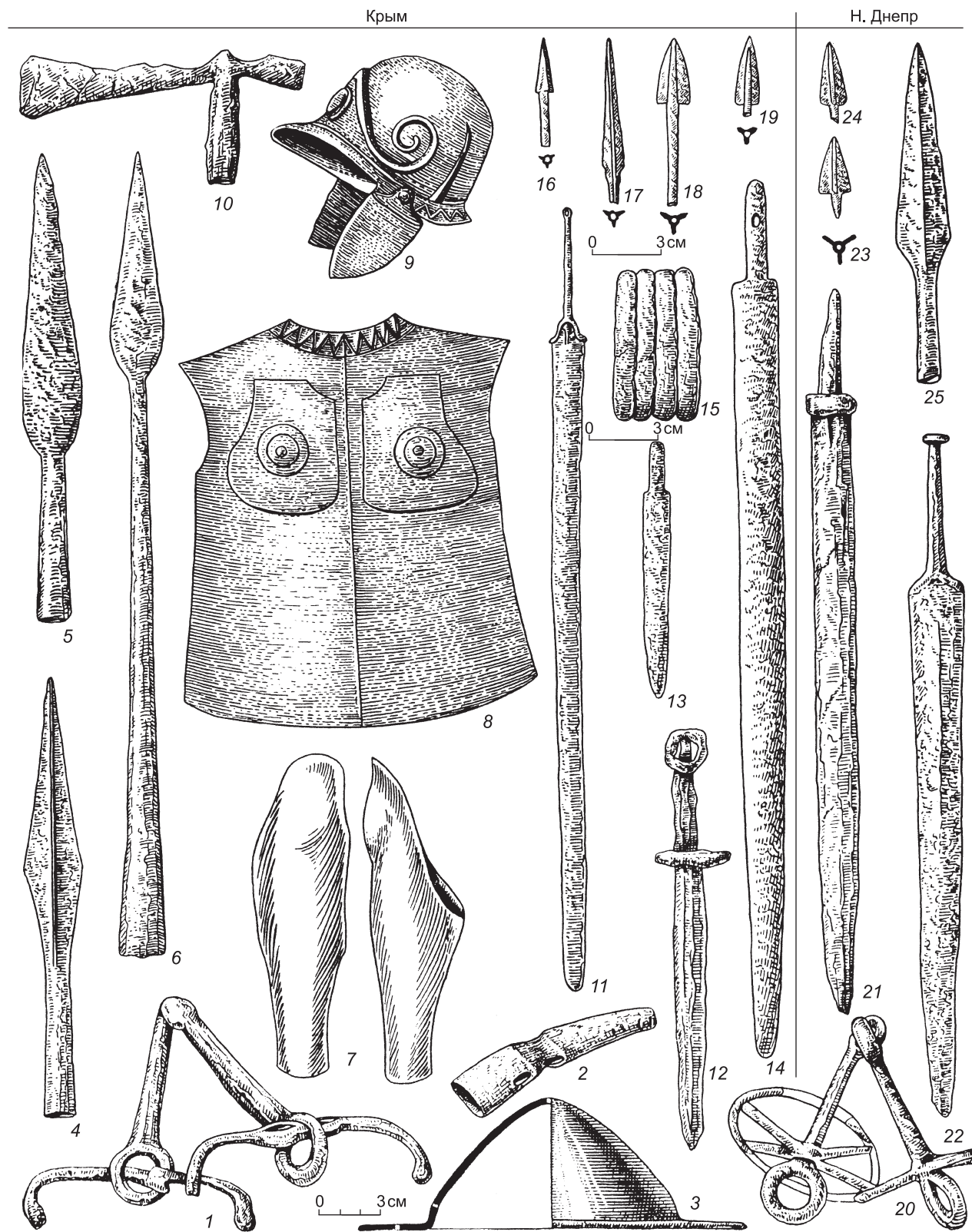

Рис. 9. Оружие и конская узда поздних скифов Крыма и Нижнего Приднепровья.

1, 7–11, 13, 15–19 – Неаполь, мавзолей; 2, 3 – Южно-Донузлавское городище; 4, 5 – Беляуский могильник; 6, 12 – Неапольский могильник; 14 – Инкерманский могильник; 20–25 – Золотобалковский могильник; 1, 3–6, 10–25 – железо; 2 – кость; 7 – бронза; 8 – кожа с позолоченным железом (реконструкция Е.В. Черненко); 9 – железо с бронзовым орнаментом (реконструкция О.И. Домбровского) (по: *Археология СССР. Стелы...*; с. 359, табл. 54).

Рис. 10. Образцы звериного стиля на предметах из курганов степной Скифии.

1 – Мельгуновский курган; 2 – Семеновка; 3 – Нижние Серогозы; 4 – Константиновка; 5, 6 – Темир-Гора; 7 – погребение на Константиновском поселении; 8 – Ильичево; 9, 13, 16, 19 – I Завадская Могила; 10 – IV Испанова Могила; 11 – Новорозановка; 12, 14, 20 – Острая Могила; 15 – Архангельская слобода; 17, 22 – Красноперекопский курган; 18, 31 – Ковалевка; 21 – Бабы; 23, 26, 35, 38 – Чертомлык; 24, 25, 32, 37 – Толстая Могила; 27 – Мордвиновский курган; 28 – Краснокутский курган; 29 – Верхний Рогачик; 30, 33, 36, 41 – Желтокаменка; 34 – Куль-Оба; 39 – Чмырева Могила; 40 – Солоха; 42 – группа Гаймановой Могилы; 1, 8–10, 13, 15–17, 21–26, 29, 30–34, 36, 37, 39, 41 – золото; 2, 3, 5–7 – кость; 4, 11, 12, 14, 18–20, 27, 35, 42 – бронза; 28, 31, 38, 40 – серебро (по: *Археология СССР. Степи...*; с. 342, табл. 38).

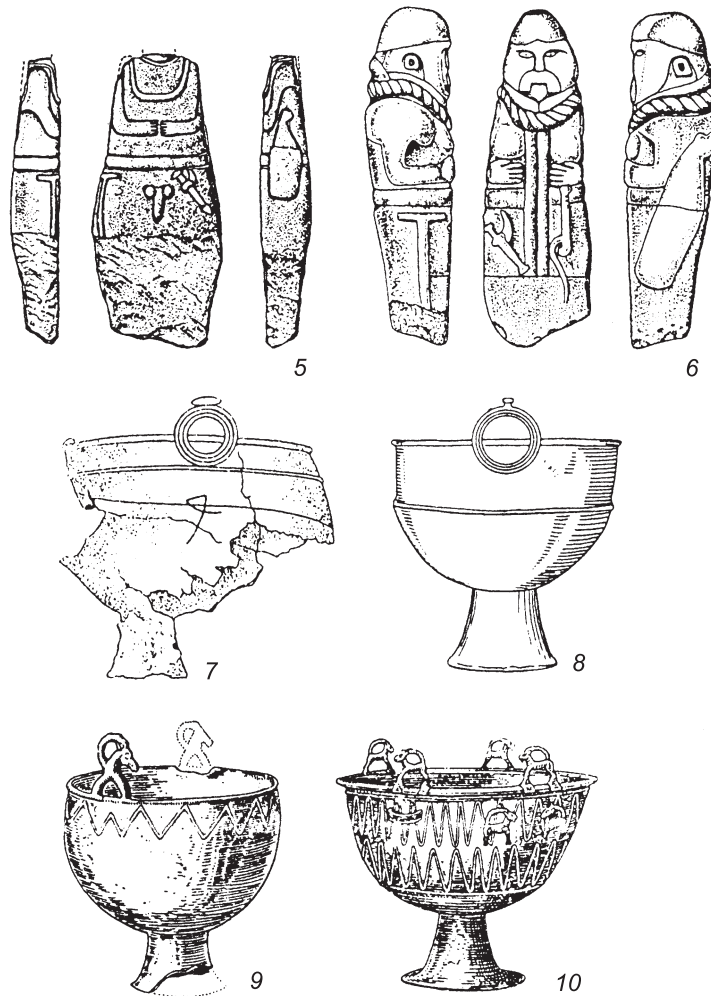

Рис. 11. Раннескифские находки.

5, 6 – раннескифские антропоморфные изваяния (5 – Ингуло-Каменка, 6 – Ольховичи); 7, 8 – котлы “бештаугорского” типа (7 – Кызбурун, 8 – г. Бештау); 9, 10 – котлы раннескифского времени из Келермесских курганов. Масштаб изображений произвольный (по: Алексеев А.Ю. Хронография..., с. 371, рис. 1).